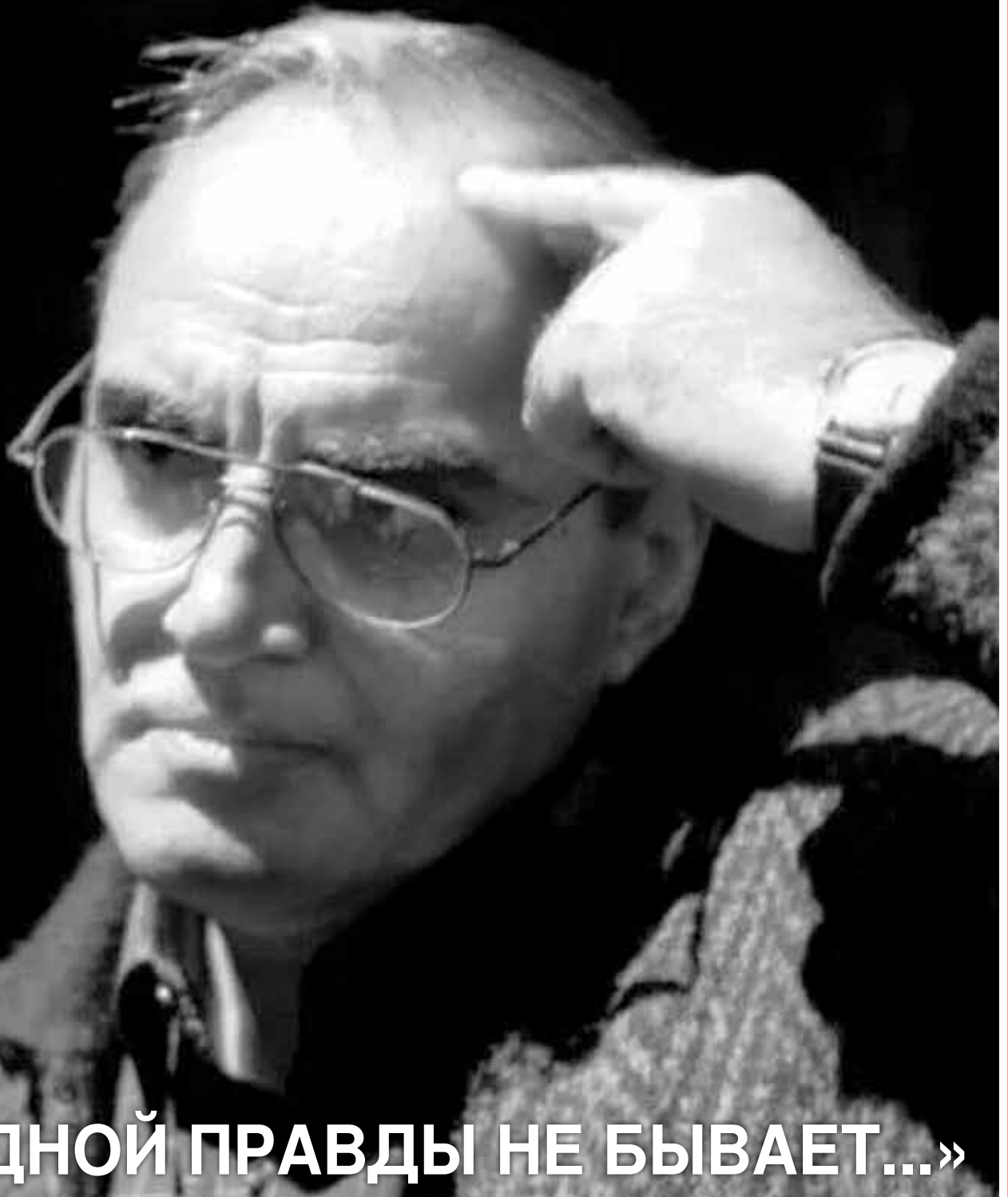

№11

Ноябрь 2023

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

«ОДНОЙ ПРАВДЫ НЕ БЫВАЕТ...»

Премьера в Грибоедовском – комедия «Букмекер-экспресс» по повести Александра Потемкина «Игрок». Режиссер-постановщик – Андро Енукидзе

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11⁽²¹⁷⁾
Ноябрь 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «ОДНОЙ ПРАВДЫ НЕ БЫВАЕТ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 АЛАЯ РОЗА И БЕЛАЯ САКУРА
- 15 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 19 ТБИЛИССКИЙ МАЛЬЧИК МИКАЭЛ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС
ОРГАНИСТОВ ИМЕНИ ТАРИВЕРДИЕВА
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 22 О МОДЕ, ВОЙНЕ И ВЫСТРАИВАЕМЫХ МОСТАХ
ЕКАТЕРИНА МИНАСЯН
- 26 «ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕБЫВАЮ В ОЖИДАНИИ ПРЕКРАСНОГО
БУДУЩЕГО»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 32 И СМЕХ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 36 КОМПОЗИТОР, РАЗВЕДЧИК, АЛЬПИНИСТ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 42 ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
АНДРЕЙ МАРУДЕНКО
- 48 ЖЕМЧУЖИНА ШЕЛКОВОГО ПУТИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 50 «ЖАННА И КОСТЕР». ИСПЕПЕЛЯЮЩАЯ ЛЮБОВЬ
- 53 АСТАНА ОПЕРА В ТБИЛИСИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА

На обложке – РЕЖИССЕР, ПЕДАГОГ ТЕМУР ЧХЕИДЗЕ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ТАК НАСТУПИЛА НОВАЯ ЭПОХА

Считается, что в истории человечества состоялось четыре самых судьбоносных открытия – появление паровой машины, полет на воздушном шаре, изобретение Вильгельма Конрада Рентгена, позволяющее увидеть, что находится внутри предмета или живого организма, и полет в космос. И все это произошло за два века – с середины XVIII по середину XX. В нынешнем ноябре исполняется 240 лет со дня первого полета человека на воздушном шаре. Хотя использовать подъемную силу горячего воздуха люди начали издавна. В дни праздников у разных народов до сих пор есть традиция запускать разноцветные бумажные шары со свечкой внутри, нагревающей воздух. А первоначально шарики надували от факелов. Кому первому пришла в голову мысль отправить человека в полет в шаре, сшитом из шкур животных, наполненном горячим дымом, неизвестно. В фильме Тарковского «Андрей Рублев» есть эпизод, когда человек (очевидно, имеется в виду безумный предшественник леген-

дарного воздухоплателя Ефима Крякутного) взлетает с колокольни и кричит «Лето!» Но кончается этот полет смертельным падением. Похоже, в истории так и было, когда смелые люди рисковали жизнью ради извечной мечты летать, как птицы. И в разных странах в XVIII веке начали экспериментировать с воздушными шарами. Преуспели немногие – два брата француза Жак-Этьенн и Жозеф-Мишель Монгольфье и их конкурент профессор Жак Александр Сезар Шарль. Первыми начали Монгольфье, они запустили на высоту 30 метров шар объемом в один кубический метр на горячем воздухе. А вскорости, к восторгу огромной толпы, на высоту в два километра взлетел их шар диаметром 11 метров, что и считается первым полетом аэростата. Третий полет прошел летом 1783 года уже с пассажирами – бараном, уткой и петухом (на высоте шар прорвался, но спустился очень плавно, и животные не пострадали). И, наконец, состоялся первый полет с людьми. Но перед этим разгорелись жаркие споры о возможности полета на аэростате человека. Кто-то утверждал, что воздухоплатели погибнут от нехватки воздуха. Тем не менее, храбрые братья собрались в полет. Им воспрепятствовал сам король Луи XVI. Он заявил, что изобретатели слишком важны для Франции, и пусть летят приговоренные преступники, мол, их не жалко. Но тут возмутились аристократы, не пожелавшие отдать славу первооткрывателей каким-то арестантам. К месту старта решительно прибыл гордый и красивый маркиз Франсуа Лоран д'Арланд с дюжиной бутылок шампанского и красивой храброй спутницей в придачу, заявив, что он непременно отправится в первый полет. Ибо сумел упрямить Его Величество. Но шампанское и подружку пришлось оставить на земле – его спутником стал ученый Жан-Франсуа Пилатр де Розье. Впервые, это был серьезный человек науки, а во-вторых, ему надлежало подкручивать горелку, подогревающую воздух в шаре. Они взлетели из замка Ла-Мюэтт. Полет продолжался 45 минут с подъемом на головокружительную высоту почти в тысячу метров. Отважные пилоты пролетели расстояние в девять километров и благополучно приземлились на вершине холма Бют-о-Кай. Именно они стали первыми Гагариним и Титовым эпохи воздухоплавания. Естественно, лихой маркиз все-таки протащил с собой в полет бутылочку «Клико», и они на высоте отпраздновали свой подвиг. Оттуда, между прочим, и появилась традиция отмечать удачный полет шампанским. Так началась новая эра. Все другое – и самолеты, и гидропланы, и вертолеты, и

квадрокоптеры – будет потом. А пока 21 ноября 1783 года состоялась великая победа человеческого разума над земным тяготением. Судьбы первооткрывателей сложились по-разному – братья Монгольфье еще много чего изобретали, но, в итоге, придумали прозрачную бумагу-кальку, наладили ее выпуск, и созданная ими фирма по выпуску разных видов декоративной и фотобумаги Canson живет до сих пор. Пилатр де Розье погиб через два года, пытаясь перелететь через Ла-Манш на шаре, наполненном водородом, став первой жертвой воздушной катастрофы. А блестящий маркиз д'Арланд после многолетних военных походов был отправлен в отставку и доживал свой век в фамильном замке. Аэростатами активно пользуются до сих пор, хотя ими практически невозможно управлять, кроме как подъемом и спуском, а куда-то вбок они могут летать только с потоками воздуха. Когда же в середине позапрошлого

века появились управляемые сигарообразные аэростаты, их стали называть... дирижаблями от французского «dirigeable», что в переводе означает просто «управляемый».

«БОЛЕРО» ДЛЯ БОГАТОЙ БАЛЕРИНЫ

Представьте себе, гениальное «Болеро» Мориса Равеля звучит по всей планете Земля в среднем каждые десять минут. Мало на свете мелодий, которые могут поспорить с этой завораживающей музыкой – постоянно повторяющаяся мелодия, постепенно набирающая мощь и силу, и в конце взрывной финал. В ней звучат две темы – первая носит скорее баскский колорит, а вторая – мавританско-андалузский. Сама мелодия эта необычайно длинна, аж 34 такта, но в ней неистощимое разно-

образе оттенков. Говорят, что композитора вдохновило посещение... литейного цеха. И главная музыкальная тема воспроизводится поочередно разными инструментами, включая редкий в симфоническом оркестре саксофон, который Николай Мясковский презрительно называл «клоуном в ряду других инструментов». Но и знатоки, и коллеги-композиторы, хоть и признали «Болеро» незаурядным явлением, тем не менее, подвергли беспощадной критике. Сергей Прокофьев, посетив балет на эту музыку, которым дирижировал сам автор, признавал «Болеро» «чудом композиторского мастерства и изобретательности». Свои впечатления он описывал так: «...на сцене испанская таверна с большим столом, на котором пляшут, а в оркестре мотив, повторяющийся тысячу раз в постоянно усиливающейся оркестровке. Равель сам дирижировал... и невозможно держал медленный темп». Да, доставалось Равелю за его шедевр. Как только не пытались «улучшить» авторский замысел дирижеры. Был случай, когда Равель в гневе набросился на великого итальянского дирижера Артуро Тосканини с упреком, что тот убыстрил темп в финале. На что горячий итальянец тоже вспылил и заявил, что Равель сам ничего не понимает в музыке, которую написал. Впрочем, Равель быстро остыл и позволил маэстро Тосканини изменения. Но только ему одному. А история создания «Болеро» вполне заурядная — дорогой заказ. Жила-была на свете знаменитая балерина, звали ее Ида Рубинштейн. Родилась она в Харькове в невероятно богатой семье. Рано осталась сиротой

и воспитывалась у родственников, которые дали ей поистине прекрасное воспитание — она знала четыре языка, изучала историю искусств, занималась танцами и постигала актерское ремесло. У Иды была прекрасная внешность, но почти полностью отсутствовали любые таланты. А так хотелось сценической славы! Эта богатейшая наследница огромного состояния сбежала из-под опеки родни замуж, уехала с супругом в Европу, затем оставила его и занялась своей сценической карьерой. На драматической сцене ей оказалось не место из-за небольших способностей, плохой игры и ужасной дикции. В итоге победил балет. С ним у Иды получилось, и получилось занятно. Ида была очень стильной, харизматичной, эротично привлекательной и слыла невероятной экзотической красавицей. Она умела принимать настолько отточенные, идеальные позы, что зал замирал в восторге, и это скрывало слабую техническую оснащенность Иды. Ею даже заинтересовался гениальный импресарио Сергей Дягилев. Но вскорости инициативная богачка решила все делать сама. Ее состояние позволяло экспериментировать и привлекать к своим проектам незаурядных людей — Леона Бакста, Александра Бенуа, Михаила Фокина, Брониславу Нижинскую, Сержа Лифаря и многих-многих других. Однажды она попросила Мориса Равеля сочинить музыку к танцу, который должен был стать второй частью к ее «Кармен». Равель исполнил заказ и получил щедрый гонорар, Ида получила свои аплодисменты, а мир обрел нетленный музыкальный шедевр, который впервые прозвучал 22 ноября 1928 года. Вот так!

ОБРАЗЦОВЫЙ ГЕНИЙ

Если кого и можно назвать последним титаном умолкнувшей ко времени его рождения эпохи Возрождения, то именно нашего героя. Попробуем хотя бы вкратце перечислить то, чем он занимался и в чем преуспел: был одним из основателей математического анализа, разработывал теорию вероятностей и проективную геометрию, сумел создать первое настоящее счетное устройство типа арифмометра для сложения, стал автором основного закона гидростатики. Он при жизни официально почитался гением. Его имя общеизвестно и очень часто упоминается в школе — закон о давлении в жидкостях и газах, бесконечный треугольник, теория принятия решений, правило о биномиальных коэффициентах, теорема о вписанном в окружность шестиугольнике, коническое сечение. Да, все это

создано и придумано легендарным Блезом Паскалем — великим французским математиком, физиком, механиком, философом и незаурядным литератором. Он родился летом 1623 года, в самые мушкетерские времена. Его отец относился к «дворянству мантии», это пожалованное, а не потомственное дворянство. Семья Блеза была весьма просвещенной, а его отец стал его первым учителем, преподающим ему языки, грамматику, позднее и математику. Одаренный мальчик совершенно случайно увлекся геометрией — рисовал углем на полу фигуры и пытался познать их свойства и законы. Отец однажды увидел эту игру и был поражен, что пятилетний мальчик самостоятельно вывел 32-ю теорему Евклида о сумме углов в треугольнике. И с этого момента его всерьез стали учить математике. Юный Паскаль настолько легко осваивал самые разнообразные науки, что вскорости его учителям стало нечему его учить — это был гений. Он с такой же легкостью писал и тексты, став чудным и глубоким писателем. Его ценили не только на родине, но и русские Лев Толстой и Иван Тургенев. А вот что о его прозе говорил Жозеф Бертран: «Тонкие умы удивляются Паскалю как писателю самому совершенному в величайший век французского языка... Каждая строка, вышедшая из-под его пера, почитается как драгоценный камень». Но в первую очередь Паскаль был, конечно, ученым и мыслителем. Вот его слова: «Все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы — ничто. Постараемся же мыслить достойно — в этом основа нравственности». Он не прожил и сорока лет, но успел необычайно много. Остается сожалеть, что ему был отмерен такой короткий век. В коллекции Лувра есть скульптура, где сидящий в кресле Паскаль смотрит на свой чертеж, изображающий одну его гениальную мысль, — путь гвоздя в колесе телеги от подъема при вращении до возвращения вниз, эта линия называется рулеттой или циклоидой.

«ОДНОЙ ПРАВДЫ НЕ БЫВАЕТ...»

Инна БЕЗИРГАНОВА

18 ноября 2023 года могло бы исполниться 80 лет Темуру Чхеидзе, выдающемуся режиссеру, Народному артисту Грузии, Народному артисту РФ, Почетному гражданину Тбилиси, кавалеру Президентского ордена «Сияние», ордена Почета, лауреату Ленинской премии.

В ознаменование юбилея Союз «Русский клуб» издал книгу «Каллиграф психологического театра. Темур Чхеидзе и русский театр» (автор – Инна Безирганова).

Предлагаем нашим читателям главу, повествующую о спектаклях, поставленных Темуром Чхеидзе по произведениям русской классики.

«ВЛАСТЬ ПРАВСТВЕННОСТИ – БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ»

Часто Темур Чхеидзе обращается к русской классике, и здесь его уникальная способность вникать в психологические нюансы, погружаться в глубины материала, «рассматривать пружинки, колесики и винтики» находит плодотворную почву. В 1999 году Чхеидзе поставил пушкинского «Бориса Годунова», номинированного на соискание высшей театральной премии

Санкт-Петербурга «Золотой софит», а также на престижнейшей «Золотой маски». Впервые он задумался о постановке пушкинской пьесы еще в 1994 году, но выбрал тогда «Макбета». Из опасений: «Может быть, грузинскому режиссеру не следует на русской сцене ставить русские пьесы?» В прессе не раз касались этой щекотливой темы в первые «петербургские» годы режиссера. Тем не менее Чхеидзе работал над «Бесприданницей» Островского, мечтал о постановке «Петербур-

га» Андрея Белого – своего любимого произведения, считая, что роман очень созвучен времени. И тот, и другой замысел не нашли сценического воплощения.

Вскоре признание публики и высокая оценка критики развеяли сомнения Темура Чхеидзе о правомочности его обращения к русскому материалу – режиссер доказал, что обладает исключительным даром разгадывать шифры Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского.

А началось все с Пушкина, которому Аполлон Григорьев дал однажды емкое определение: «Наше все». Темур Чхеидзе рискнул предложить новую трактовку «Бориса Годунова». А для этого перемонтировал драму, поменяв местами какие-то сцены. «Несколько эпизодов подряд в Москве, потом мы надолго оставляем Бориса и бояр – и следим за Самозванцем. Мы перекидываем действие постоянно туда и обратно: Самозванец – Борис – Самозванец – Борис. Чтобы не выпускать из поля внимания ни того, ни другого надолго. И потом, это создает необходимое драматическое напряжение». Режиссер отрицал, что народ – главное действующее лицо пьесы. Для Чхеидзе «Борис Годунов» – трагедия совести. «Что сгубило Бориса? Это прежде всего собственные муки совести, что отличает его от многих тиранов», – говорил Чхеидзе.

Марина Дмитриевская увидела в «Годунове» на сцене БДТ «звучащую фреску», Леонид Попов – притчу, подобную шекспировской трагедии (кто-то даже назвал спектакль «скорбной притчей о власти и совести»). Для Лилии Шитенбург «Борис Годунов» – спектакль «выстраданный, продуманный, недооцененный (один из лучших в карьере режиссера). «Не род, а ум поставлю в воеводы», сказано в трагедии Пушкина. Так Чхеидзе и поставил». А кто-то и вовсе посчитал эту работу неудачей режиссера.

В «трагедии совести» Темур Чхеидзе сосредоточил внимание не на монументальных исторических коллизиях времени как таковых, а на внутреннем противостоянии Бориса Годунова и Самозванца, проблеме «власть нравственности, безнравственность власти», глубинном кон-

фликте персонажей.

Марина Дмитриевская: «Темур Чхеидзе поставил удивительно гармоничный, абсолютный по стилю, чистый, очень обдуманный спектакль. По живописи – фреску, где охра мешается с красно-коричневым и запекается внизу, на подолах платьев, темноватыми подтеками (художник Г. Алекси-Месхишвили). То ли Дионисий растер для этого спектакля камушки с берегов Паского озера, то ли древние грузинские храмы поделились своим цветовым аристократизмом со сценой БДТ. Этот «Борис Годунов» – звучащая фреска, где ничего лишнего, где каждый жест каноничен, одна сцена плавно впускает в себя другую, а вместе они каждый раз образуют гармоничную композицию. Странное черно-красное абстрактное оформление – скорее просто фон для многофигурных мизансцен. Зато важно, как ложится рыжеватый воротник боярской шубы на красноватое сукно и как красный платок захлебывающегося кровью Бориса образует динамическую цветовую точку на фоне коричневато-золотых рубах и кафтанов».

Леонид Попов: «У Чхеидзе царь Борис – такая же условная фигура, как король Лир. Режиссеру не важны ни исследования Карамзина, ни новейшие трактовки – оттого и возможно допущение невинности Годунова, что он страдает не за конкретную вину (и тогда бы трагедия его стала мельче, превратившись в зауридную драму уголовного неказуемого и ненаказуемого преступления). Вина Годунова – это его беда, вечная беда правителя, для которого нет удобных условий правления, – всегда благодарные подданные, всегда распри советников, всегда скверная доставшаяся страна. А выбора нет: приходится иметь дело с этими». Рецензент отмечает энергию спектакля, точную графику мизансцен, выверенный ритм партитуры, точность мысли.

Основные роли режиссер доверил сильным актерам – Валерию Ивченко (Борис), Валерию Дегтярю (Самозванец), Кириллу Лаврову (Пимен).

Марина Дмитриевская: «Спектакль сосредоточен на «судьбе человеческой», которая решает

«судьбу народную» – на двух царях, Борисе (Валерий Ивченко) и Самозванце (Валерий Дегтярь). Чхеидзе ставит «Годунова» о том, как на смену одной власти, замешанной на крови «царевича убиенного», идет другая, вроде бы желающая очистить Русь («светлый мстительный рок воскресший» – так понимал Самозванца Немирович-Данченко). Ибо именно в ту минуту, когда Гришка-Дегтярь слышит о совершенном злодеянии, в нем рождается план спасения Руси. Но и этот путь – путь кровавый. Одна из самых сильных сцен Самозванца-Дегтяря, когда он вдруг осознает: «Кровь русская, о, Курбский, потечет». У этой страны не было и нет другого пути, чем через кровь. С нравственными муками, страданиями, покаянием, но через кровь. Трагедия».

«ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА»

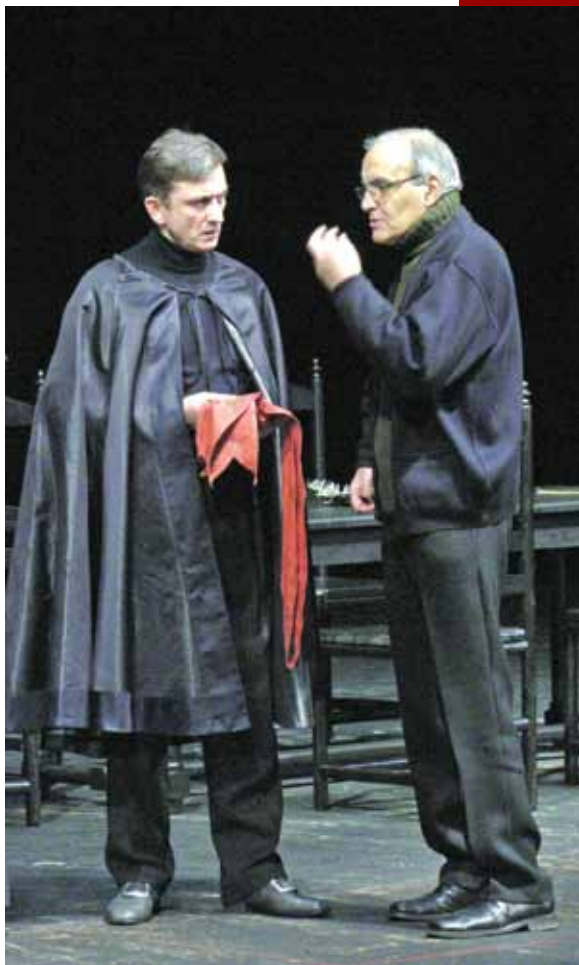
В 2003 году Чхеидзе поставил лермонтовский «Маскарад», осуществив своим аналитическим «скальпелем» глубокий, но очень тонкий «надрез». Попаданием в десятку стало приглашение на роль Арбенина точного, обладающего редким сценическим обаянием актера Андрея Толубеева. Он создал образ, который полностью соответствует характеристике Лермонтова: «...я рожден/ С душой кипучею, как лава./ Покуда не растопится, тверда / Она, как камень». Эта кипучая лава изливается в зрительный зал, обжигая души. Публике открываются бездны, темные глубины Арбенина – человека умнейшего и благороднейшего, но эгоцентричного и способного под влиянием разрушительной энергии совершить непоправимое. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил...»

«Видите, у меня свеча церковная горит на столе – я свечу эту держу специально для «Маскарада»: после каждого спектакля час-полтора прихожу в себя, – рассказывал Андрей Толубеев. – Такое впечатление, что все во мне противится этой роли. Но поймите: я же не купаюсь в арбенинских страстях. Я считаю, что благодаря моей игре люди видят, какое зло приносит подобный эгоизм. Меня некоторые критики поругали за то, что я от-

ношусь к Арбенину как к убийце, к негодяю. Помилуйте, да ведь он шулер, обманщик, отравитель! Моя христианская задача в этом спектакле – не оправдать его! Пусть зрителю не будет его жалко! Пусть зритель воспримет сумасшествие Арбенина, как Божье воздаяние, и одновременно – как Божью милость к этому человеку... Психологически показать все это очень сложно...»

О работе с Андреем Толубеевым над ролью Арбенина вспоминал Темур Чхеидзе: «Особая статья – наша с Толубеевым работа над «Маскарадом». Как и к каждому спектаклю, моему и не моему, к «Маскараду» может быть двойное отношение. Знаю я и то, что многие не приняли Толубеева: «Это не Арбенин!» (будто Арбенин был их двоюродным братом). Но то, что делал Андрюша от начала до конца, – это я так хотел. Если есть к этой работе претензии – они все ко мне: я знал, кого брал и во имя чего. Я знал, почему именно такой феномен – Арбенин. И не было мгновения, чтобы он не понимал, чего

На репетиции спектакля «Маскарад»

С Андреем Толубеевым

я хочу. На «Маскараде» я заметил, что он не просто слушает, а заглядывает за слова. Я никогда не показываю артистам, не играю за них, а просто рассказываю что-то, ставя себя на место актера, и не дай бог, чтобы они играли так, как я. Не могу объяснить, как он смотрел во время этих репетиций – не слушая, а проникая куда-то... «Андрей, попробуй эту фразу связать с тем, что через четыре строчки». – «А... понятно...» Не смотрит, повторяет слова, а потом: «Как, как? Расскажите еще раз...» И тут он уже цеплялся не за слова, а за меня. А я шел через него, ради него, во имя него... Это была такая прелесть! Как в любви...»

Мы отмечаем, как меняется Арбенин от картины к картине. Сначала это легкий, уверенный в себе, остроумный, ироничный человек. Эту уверенность дает ему счастливая любовь, вновь обретенная способность чувствовать. И вот – резкий поворот. Что-то щелкнуло в голове у Арбенина, когда он увидел в руках Звездича знакомый браслет. «Да нет, не может быть!» – Евгений-Толубеев потрясен. Но тут же: «Не помню...» – и Арбенин словно отмахивается от внутренних демонов, уже начавших атаковать его сознание. Не так-то просто одолеть зло, когда оно принимает столь изощренные формы. Когда Аннушка уже разлила масло...

Все решает Фатум? В спектакле он является в образе незнакомца в красно-черной гамме. На нем все «демонические» аксессуары: маска, красный цилиндр, черный плащ, подобный крыльям хищной птицы... После рокового предсказания в коротком разговоре-пикировке с Арбениным Маска почти постоянно присутствует на сцене – во время диалогов Арбенина со Звездичем, Ниной, Казариным. Незнакомец танцует с Ниной перед ее гибелью. И он своей злой волей словно направляет к жене безумного Евгения с отравленным мороженым. И все-таки на спектакле Чхеидзе не возникает ощущения, что героя губит лишь роковое стечение обстоятельств. Проблема в нем самом, в его уязвимой природе, в которой происходит катастрофический слом... «Постройка шаткая возведена тоской/ И болью, – высится, бесслезная громада» (А. Кушнер).

Спектакль существует как единое живое пространство, синтезирующее ритмы, звуки, богатая музыкальная палитра (композитор Александр Кнайфель, использованы фрагменты «Вальса-фантазии» Глинки), пластическое решение, художественное оформление (за создание сценографии и костюмов к спектаклю «Маскарад» Юрий Гегишидзе был отмечен премией «Золотой софит» в номинации

«Лучшая работа художника»). Мощные колонны как часть сценографии – это не только условно обозначенное место, где обитает знать, где проходят бесконечные балы-маскарады. В сцене отравления Нины на сцене остается только одна «колонна». Это красный столб, увенчанный куполом. Представляется, что он выражает крайне воспаленное, словно прошитое болью, сознание Арбенина. После того, как Нина принимает яд, вместо «пульсирующего» столба появляется inferнальный образ, вертикаль смерти в серо-голубой гамме. Как верно отмечает Нателла Лордкипанидзе, «спектакли Темура Чхеидзе воздействуют не только словом, разгадкой общего смысла. Звук, движение, соразмерность пауз и действия, одушевленное пространство в той же мере служат общему впечатлению, способны усилить и предвосхитить его».

С Арбениным-Толубеевым происходят необратимые метаморфозы. От былой легкости и уверенности в себе не остается и следа. Евгений мечется, ему мерещатся «повсюду зло, везде обман». В мизансценах подчеркивается пагубная роль окружения, по сути, подтолкнувшего его к решению убить Нину. Когда Арбенин становится свидетелем последнего разговора жены со Звездичем, «светская чернь» со всех сторон приближается к «обманутому» мужу из глубины сцены, словно прессуя его, оказывая психологическое давление. «Намеки колкие преследуют меня! Я жалок им, смешон!» – говорит жертва своей мнительности Евгений. Во время этого монолога Арбенина Нина – на сцене. С полуулыбкой она любит браслетом, возвращенным ей только что Звездичем. Нина почти спокойна (именно почти – вопреки дурным предчувствиям!) – браслет, из-за утраты которого так рассердился муж, опять у нее! Возможно, теперь в их семье вновь воцарится мир и взаимопонимание. И Нина в полном неведении, что именно в эти мгновения Арбенин замышляет ее убийство.

Сцена на балу. В кульминационный момент (Нина принимает яд) вальс звучит отдельно от хореографических па – танцующие

двигаются в полной тишине, и это усиливает напряженность, предощущение надвигающейся катастрофы. Метафизическое пространство дисгармонизировано, разлажено – оно отражает, в первую очередь, взвинченное состояние Арбенина и тревожность Нины. В какой-то момент Евгений – Толубеев словно оглушен – перестает слышать, воспринимать реалии. Когда бесконечно долго – целую вечность! – несет Нине мороженое с ядом.

Нежная Александра Куликова лирична и трагична в роли Нины. Впервые веришь тому, что она действительно любит Арбенина, что это зрелое чувство. Между ними есть любовь, есть страсть... Эти двое, как пишут в романтической литературе, созданы друг для друга. Тем нелепее, трагичнее случившееся. Когда Арбенин признается жене, что отравил ее, она сначала не может в это поверить и нежно обнимает его со словами «Невозможно!» – любящей и доверчивой Нине и в самом деле невозможно принять то, что Арбенин способен так поступить – ведь Евгений всегда казался ей воплощением добра и благородства!

После того, как Нина приняла яд из его рук, Евгений почти с улыбкой облегчения произносит: «Все!». И тут же, в одно мгновение осознав весь ужас и неправоту случившегося, переспрашивает сам себя: «Все?!» И с искаженным лицом падает без чувств.

Но вот обман раскрыт, Арбенин узнает о невиновности Нины. «Я задушу вас, палачи!» – тихо, придушенным голосом «кричит» Евгений. Впечатляют звуки стеклянных осколков, словно от разбитого вдребезги зеркала – расколото, треснуло сознание Арбенина. В финале какие-то потусторонние фигуры в белом исполняют танец смерти – это медленное, однообразное кружение сущностей из параллельного мира. Арбенин зовет с собой своих врагов – Маску и Звездича: «Туда!». «Здесь посмотрите!» – настаивает Евгений, указывая им путь в инобытие, к вратам смерти – к мертвому телу Нины, к тому, что для несчастного убийцы уже открылось за пределами жизни. Угасает разум Арбенина,

и к нему тянется «оттуда» рука Нины... Как сказал поэт, «во всем твоя, одна твоя вина!». И Евгений несет свой крест до конца.

Евгения Тропп: «В новом спектакле БДТ легко узнаешь авторство Темура Чхеидзе (хотя многое здесь не совсем привычно), но не потому, что в глаза бросаются какие-то внешние приметы постановочного почерка. Явлены характерные признаки этой сильной режиссуры: масштаб крупной театральной формы, изысканность стиля, чувство целого и отточенность деталей, насыщенный психологизм. Интересно и ново в этой работе стремление Чхеидзе сделать не слишком заметным собственное присутствие. Фирменные знаки режиссуры Чхеидзе (например, геометрия мизансценического рисунка, «наплыв» и параллельный монтаж сцен) в «Маскараде» несомненно есть, но эти приемы введены в действие исподволь, не явно. Темур Чхеидзе поставил спектакль, сильный не концепцией, не эффектами, а тем, что называется «жизнью человеческого духа».

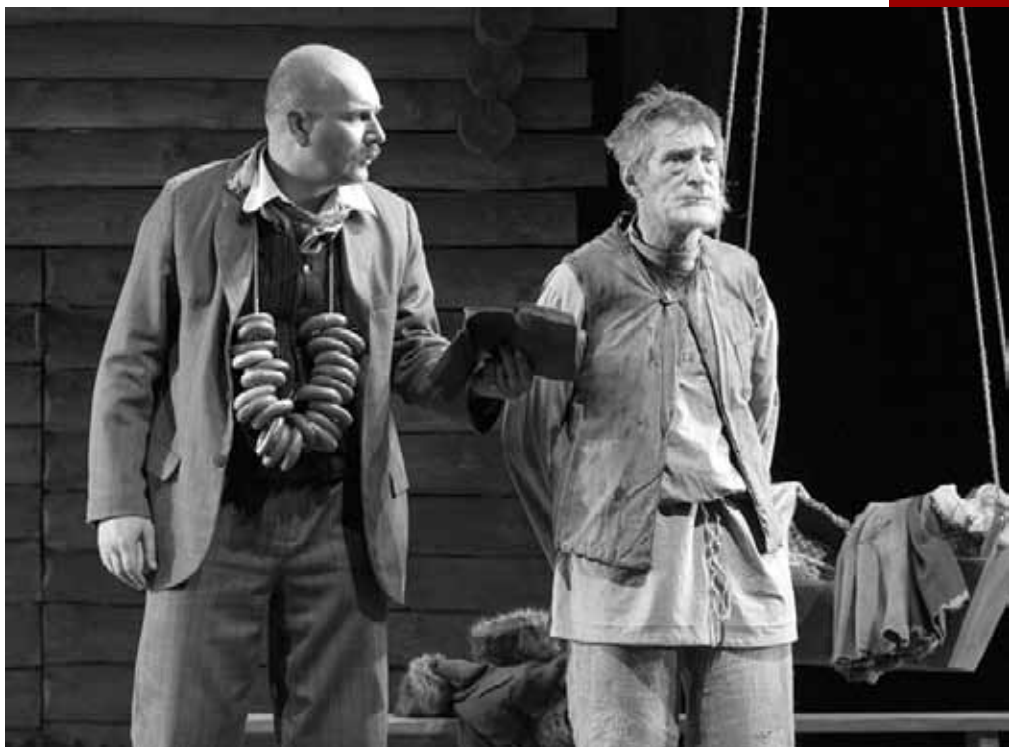
«БОГ ОН... БОГ!»

Преступление и наказание, грех и покаяние... Грех омертвляет и отчуждает от Бога и от единения в Боге, покаяние, как

очищение от греха и духовное перерождение, возвращает в святой союз в Боге. Эта мысль – главная в спектакле-трагедии Темура Чхеидзе, поставленном по пьесе Льва Толстого «Власть тьмы» (2006). При том, что тема, затронутая в пьесе, кажется устаревшей, ее проблематика удивительно созвучна сегодняшнему. Вот тут и вспоминаются слова Чхеидзе о том, что его спектакли – это нравственные проповеди.

«Актуальным считаю спектакль «Власть тьмы», – говорил режиссер в одном из интервью. – Как-то на гастролях корреспондентка спросила у меня: «Чем современен Толстой?» Я ответил: «Не оскверняйте имя Толстого. Он вечен. При чем тут современность?» После этого она попросила рассказать сюжет... Я удивлен, что в Петербурге на этот спектакль мало приходит зрителей. Но мы все равно стараемся его сохранять, потому что он качественный и потому что это – Толстой. На какие бы гастроли мы его ни брали, везде полный зал... Если театр борется за нравственность, то он имеет право на существование. А, следовательно, не имеет значения, современная пьеса идет на его сцене или классическая. Я к любому произведению отношусь, как к совре-

Д. Быковский и В. Ивченко. «Власть тьмы»

менному. Но пока не поставлю себя на место каждого героя и не пойму их изнутри, к работе не приступаю. Я дольше готовлюсь к постановке, чем ставлю».

Чхеидзе ни в чем не стремился сократить расстояние между персонажами, событиями толстовской драмы и современностью, как всегда, строго придерживаясь оригинала. Бесценное свойство таланта режиссера – умение найти ключ к любому автору, войти с ним в диалог, раствориться в произведении, уловить и передать его суть, стиль. Поэтому Пушкин у Чхеидзе – Пушкин, Достоевский – Достоевский, а Толстой – Толстой. При этом в каждом классике он умеет найти собеседника, то важное и существенное, что делает его близким и понятным любому в зрительном зале.

Уже самые первые мгновения спектакля «Власть тьмы» вводят нас в атмосферу «места» и «времени». Деревенские женщины не спеша прядут пряжу и поют народную песню (ее тема становится лейтмотивом спектакля) на фоне деревянного сооружения – грубого сруба, у которого словно «снесло крышу» (художник Эдуард Кочергин). Как и у большинства персонажей спектакля, погрязших в «скверне» (скверна – непрощаемый, вечный грех).

В постановке Чхеидзе есть все – и бьющий по нервам натурализм, и высокая народная трагедия, и религиозно-нрав-

ственные ценности толстовства. И даже нечто, роднящее Никиту – главного грешника драмы – с персонажами Достоевского. Особенно в финале, когда он выходит на лобное место и кается перед людьми в совершенном преступлении и даже в том, чего не совершал. Тем самым очищаясь от этой самой «скверны». «Прости меня, мир православный!» – кается Никита (Дмитрий Быковский, внешне сродни былинному богатырю, относится к своему герою сочувственно, бесстрашно проходя вместе с ним путь греха и покаяния). Сына (блудного сына!) заключает в объятия отец – Аким. Со словами «Бог он... Бог!» В них – надежда на прощение.

Аким – великолепная актерская работа мастера перевоплощения Валерия Ивченко. Актер создает образ в чем-то нелепого, трогательного, душевно тонкого человека. В нем нет ни капли приторного морализаторства, его Акиму веришь от начала и до конца: актер играет не святого старца, не юродивого, не мудреца. Это просто человек. Человек Божий. То есть тот, кто посвятил себя Господу, живет по его законам.

Сцена детоубийства требует крепких нервов как от зрителей, так и от участников спектакля. Чхеидзе не щадит – сцена поставлена подробно... страшно. Она тем страшнее, чем контрастнее подробности. Потрясает,

когда большой, сильный Никита нежно, трепетно берет в руки свое крошечное новорожденное дитя, зачатое в грехе, и он бесконечно счастлив, прижимая к себе беззащитный комочек жизни... И если всю чудовищную сцену сопровождает волчий вой, то в эти краткие мгновения радости вступает тема народной песни. Душа Никиты поет... чтобы через несколько минут окончательно погрузиться в «скверну» – черный омут отчаяния. Этот контраст дает возможность осознать, почувствовать, что изначально человек чист и светел – пока его не поглотит «власть тьмы». И что он может быть счастлив, если не поддастся обольщению корыстью. И выбор всегда за самим человеком! Ведь была такая минута, когда Никита мог устоять перед искушением – не прикоснуться к деньгам хозяйина, отравленного женой... Не устоял. Кого-то увяз – всей птичке пропасть. Во всем твоя, одна твоя вина. Всегда современно.

«И ДУША УЛЕТАЕТ...»

История, начавшаяся как смешной водевиль, вдруг обрывается душераздирающей трагедией. Или она просто приключилась одному из персонажей спектакля? Дядюшке? Москалевой? А может быть, это коллективное видение всех героев, впавших волею создателей спектакля в сомнамбулическое состояние? Тему Чхеидзе словно возвращает на сцену унесенных ветром, необратимым потоком времени персонажей Достоевского – князя, Москалеву и иже с ними, чтобы вместе со зрителями на два часа вновь оказаться в необыкновенном доме Марьи Александровны, обставленном в спектакле подлинными предметами минувшей эпохи и буквально пронизанном странно-мерцающими, ирреальными звуками. От чего и усиливается ощущение сна-яви – видения, воспоминания. Этот же эффект иллюзорности, призрачности создает необычное пространство спектакля с разно-уровневыми площадками и занавесями – драпировками из тонкого светлого шелка (художник Эмиль Капелюш).

Какое счастье, что существует запись спектакля, сохранившая для потомков игру великих, без

«Власть тьмы»

преувеличения, актеров. Захватывающе интересно наблюдать за подробной, филигранной работой мастеров. Изогранный, изворотливый ум, мещанскую приспособляемость проявляет Москалева Алиса Фрейдлих. Тончайшая, ажурная нюансировка образа восхищает. Наслаждение видеть, как в хитроватых глазах Марьи Александровны, ее мимике и пластике отражаются процессы, происходящие в уме этой незаурядной женщины в зависимости от ситуации. Вот уж поистине «Наполеон в юбке».

А Олег Басилашвили в роли Князя? Он вызывает острое сострадание в те мгновения, когда с болью в душе осознает бренность бытия, свою дряхлость и беспомощность: все у дядюшки в прошлом, впереди осталось совсем не много. «Читал ли ты мемуары Казановы? – спрашивает он у Мозглякова. – Вот я и забыл, что хотел спросить...» И в глазах читается невыразимая тоска. Вспоминая свое «приснившееся» Зиночке предложение руки и сердца, князь с горечью говорит: «И все-таки это был очаровательный сон!» Имея в виду свою молодость, прекрасное прошлое. И в финале к Князю вдруг приходит отчетливое осознание полнейшего одиночества. «Уведи меня отсюда куда-нибудь! Иначе они меня растерзают!» – говорит он кому-то в ужасе и растерянности. Но рядом никого уже нет.

Да, и Москалевой, и дядюшке есть что вспомнить и о чем сожалеть, что попытаться воскресить, удержать, реконструировать. Остановись, мгновенье! Марья Александровна пережила в прошлом личную трагедию, подобную Зиночке. В финальном, таком пронзительном, монологе циничная Москалева неожиданно открывается дочери: «Думаешь, у меня не было возвышенных идеалов? Я тоже любила и, может быть, посильнее, чем ты!» И в эту минуту мы верим этой немолодой, уставшей, разочарованной женщине, которая, возможно, тоже достойна иной участи, нежели провинциальные интриги и сплетни.

В какой-то момент всегдашнее самообладание изменяет Москалевой, она перестает контролировать ситуацию и в тоне «Наполеона в юбке» даже по-

«Дядюшкин сон»

являются истерические нотки Екатерины Ивановны. Происходит публичный скандал – как в романе «Преступление и наказание». «Как нас тут бесчестят!» – мечется Москалева, для которой в создавшемся положении важнее всего сохранить лицо. И в этой метаморфозе Алиса Фрейдлих идеально точно, безупречно профессиональна.

В итоге Чхеидзе поставил спектакль о несбывшихся мечтах, рухнувших надеждах, тщете человеческих усилий быть счастливым. Не удалась жизнь старшего поколения. Глубоко несчастны и молодые. Как обычно у Чхеидзе, все жертвы, все несчастны. Судьба Зины в спектакле (Полина Толстун) – воплощение всего самого горького, что может случиться в жизни молодой девушки. Актриса отчаянно, пронзительно ведет свою линию – истинно персонаж Достоевского!

Герои существуют в ауре разнообразных звуков: колокольчиков, заводных механизмов и т.д. Бой часов оповещает о скорой кончине молодого уездного учителя, влюбленного в Зину. В спектакле вновь используется прием «запараллеливания» линий. Зине передают письмо от умирающего, она его читает, и одновременно идет кульминационная сцена, когда дядюшка рассказывает гостям об «очаровательном сне» и

хрупкие надежды авантюристки Москалевой на брак дочери с богатым князем разлетаются в пух и прах. Свой мелкий интерес при этом блюдет ничтожный Мозгляков (Кирилл Жандаров), жестко контролирующий князя – крепко держит его за руку. Чтобы не дай Бог вновь не вдохновился и не женился на Зине... Еще пример параллельного монтажа: учитель умирает, его обезумевшая мать кричит: «За что?!» И тут же Мозгляков уговаривает убитую горем Зину выйти на него замуж.

Финал – апофеоз тщеты и бренности человеческих устремлений и надежд. Появляется князь с уплывающими воспоминаниями. Ему видится матушка в голубом платье, васильковое поле. «Где то утро? Где то солнце?» – с горечью вопрошает он. А в глубине сцены кружится Зиночка, похожая на ожившую фарфоровую статуэтку из старинной шкатулки. Как воплощение недостижимой мечты, ускользающей красоты, самой жизни. Драпировки из тонкого шелка падают. Будто душа улетает. Звучат песнопения. Занавес.

В 2009 году за роль Князя Олег Басилашвили был награжден национальной театральной премией «Золотая маска» в номинации «Лучшая мужская роль».

АЛАЯ РОЗА И БЕЛАЯ САКУРА

■ СОБ. ИНФ.

Легенда, звезда, кумир поколений – все подобные определения (увы, ставшие в последнее время расхожими, чуть ли не потерявшими цену) в отношении этой певицы обретают свое подлинное, настоящее значение. Мы говорим о Токико Като. Ее уже давно называют достоянием японской нации, а пригласить считают за честь самые престижные залы Европы и Америки. Мы и представить себе не могли, что нам выпадет удача попасть на ее концерт. Но это произошло!

15 октября всемирно известная певица вышла на Большую сцену Тбилисского русского театра имени Грибоедова и дала полуторачасовой концерт. Замечательное представление – яркое, профессиональное, идеально выстроенное, полное сюрпризов. На сцене царила полная молодой энергии и яркого дарования исполнительница, которой, между прочим, в декабре исполнится (не верится, не верится!) 80 лет.

Токико-сан приветствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол Японии в Грузии господин Ишизука Хидеки и выдающаяся пианистка Элисо Болквадзе.

В сопровождении рояля, скрипки, виолончели, иногда – хора, а иногда и сама аккомпанируя себе на гитаре – певица исполняла песни японских композиторов, собственного сочинения, шляге-

ры из репертуара Фрэнк Сина-тры, Эдит Пиаф, «Битлз». Публи-ка с первых нот узнала мелодии из мультфильма Хаяо Миядзаки «Porco Rosso». Если кто не в курсе, Токико Като озвучила в этом анимэ роль мадам Джини, а сама картина получила девять престижных наград, в числе ко-рых две премии «Майнити», два приза Киноакадемии Япо-нии, премия «Сатурн» Амери-канской Академии научной фан-тастики.

Знаете, когда звучали япон-ские песни – «Время цветения вишни», «Колыбельная одиноч-ки», «Возвращение в Шэрито-ко», «Далекая родина», каза-лось, нас кружит легкая метель из бело-розовых лепестков и окутывает вишневый аромат живой сакуры.

Очаровательной неожидан-ностью для зрителей стали пес-ни «Сулико» и «Тбилисо». Пер-вые куплеты Токико-сан спела на грузинском, а остальные – на японском, причем переводы сделала сама.

И, наконец, под занавес про-звучал главный хит – «Миллион алых роз», заслуженно увенчан-ный овацией публики и огром-ным букетом алых роз, кото-рый преподнес певице Николай Свентицкий.

А началась эта история око-ло сорока лет назад, когда мо-лодая японская исполнительни-ца Нина Хедо дала послушать песню «Миллион алых роз» своей подруге – Токико Като. Конечно, Токико была очаро-вана – ее пленили и музыка, и исполнение Аллы Пугачевой, и сюжет... Но взять песню в свой репертуар она не могла – Нина уже перевела ее на японский и исполняла в концертах. Однако история безответно влюблен-ного грузинского художника не давала Токико Като покоя. Тем более, что перевод Нины был не совсем точный – несколько от-клонялся от оригинального тек-ста. И тогда Токико-сан сдела-ла свой перевод и в 1985 году впервые спела «Миллион алых роз» на одном из своих высту-плений – камерно, под гитару. И понеслось – зрители все чаще и чаще просили певицу исполнить эту песню. «Я не ожидала, что мое исполнение получит такой отклик, – рассказывает певица.

Токико Като в Тбилиси

– И решила официально за-писать «Миллион алых роз» и включить в репертуар».

И именно этой песне мы и обязаны появлением Токико-сан в Грузии!

Дело было так. Впервые То-кико Като приехала в Грузию этим летом. Зачем? Предста-вьте себе, для того, чтобы поболь-ше узнать о Нико Пиросмани, герое «Миллиона алых роз», и авторе текста – Андрее Возне-сенском, его связях с грузин-ской культурой. Ведь песня в ее исполнении в Японии давно стала культовой.

Певица побывала в доме-музее Пиросмани в Мирзаани, прошлась по памятным местам в Тбилиси, связанным с име-нем гениального художника. А затем, к нашему удивлению и радости, изъявила желание встретиться с создателями кни-ги «Любимая моя Грузия», по-священной А. Вознесенскому (из знаменитой серии «Русского клуба» «Русские в Грузии») – автором книги Ниной Шадури и Николаем Свентицким, прези-дентом «Русского клуба» и ру-ководителем проекта «Русские в Грузии». Вы даже не пред-ставляете, сколько вопросов задала Токико-сан! Пиросмани

и Вознесенским беседа не огра-ничилась. Ее любознательность не знала границ – Пастернак, Вертинский, Паустовский, Мар-лен Дитрих, Петрэ Грузинский, поэтическая группа «Голубые роги»...

Мы были очарованы нашей гостьей – ее обаянием, кор-ректностью, исключительной доброжелательностью. Перед нами была легенда японской эстрады – и тем поразительнее были деликатность и даже не-которая застенчивость Токико Като.

«Я вернулась из Грузии, – написала Токико-сан на своей странице в ФБ, – а волнение от удивительной поездки до сих пор не кончается. Тбилиси – прекрасный город, соединив-ший в себе древность и современность. Грузия – родина Нико Пиросмани, прототипа героя «Миллиона алых роз». Я поеха-ла в Грузию, чтобы узнать тайну: как история любви одинокого художника стала песней. Мне повезло – я встретила замеча-тельных людей и услышала по-трясающие истории».

Не будем скромничать и ска-жем больше: как призналась сама певица, именно после на-шей встречи она и решила дать

концерт в Театре Грибоедова, даже предварительно не осмотрев сцену. И это было стопроцентно правильное решение!

А теперь (для тех дотошных читателей, которые не готовы удовлетвориться нашими восторгами) расскажем о японской гостье подробнее.

Она родилась в 1943 году в Харбине. «Моя мама прожила в Харбине более десяти лет, и все это время ее окружала русская музыка. Для нее русская музыка была и осталась на всю жизнь по-особому дорогой. Это чувство передалось и мне». Легко объяснить, почти почему в каждом своем концерте Токико Като исполняет романс «Дорогой длиною», которую в разные годы пели и Вертинский (кстати, несколько лет проживший в Харбине), и Тамара Церетели, и Петр Лещенко. Прозвучал этот романс и в Тбилиси.

После окончания Второй мировой войны семья переехала в Японию. Эстрадный дебют Токико Като состоялся в 1965 году, в ее бытность студенткой Токийского университета.

Токико Като – лауреат самых престижных музыкальных премий, обладатель Гран-при многих международных конкурсов. Она с успехом выступала в нью-йоркском Карнеги-Холл, в парижском театре «Сигаль» и многих других концертных залах мира. В 1992 году правительство Франции наградило Токико-сан государственным орденом «Шевалье» в области культуры.

За годы своей карьеры певица выпустила более 80 альбомов, а песни «Возвращение в Ширэтоко» и «Миллион алых роз» в ее исполнении стали в Японии хитами на все времена. Продажи записей каждой из этих песен давно превысили миллион экземпляров. Кстати, популярность «Алых роз», в Японии настолько высока, что многие японцы давно считают ее японской песней.

Начиная с 1992 года Токико Като выступает на крупнейшем открытом рок-фестивале «Fuji Rock Festival» – это одно из самых главных ежегодных культурных событий лета, которого с нетерпением ждут все мело-

маны Японии. Кстати, фестиваль также известен как самое дорогое музыкальное удовольствие: цена билета на три дня превышает 40 тысяч иен.

Очевидно, что певица стерла границы между поколениями и жанрами – она и сегодня продолжает очаровывать публику всех возрастов. Фанаты следуют за ней по городам и весям, и даже в Тбилиси Токико-сан приехала в сопровождении группы своих преданных поклонников. Обратите внимание – сплошь юного возраста.

Сакура, как известно, символизирует начало нового жизненного этапа, положительных перемен к лучшему. И нам хочется верить, что блестящее выступление Токико Като в Тбилиси, организованное компанией «Токико-Фланинг» и поддержанное Посольством Японии в Грузии, станет новым шагом на пути дальнейшего развития и укрепления грузино-японских культурных связей. Во всяком случае, мы очень на это надеемся.

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНДИЗЕ

Продолжение

ВСТРЕЧА

В аэропорту. Здравствуй, Саша!

Поначалу хотели встречать Сашу всем гамузом – папа, мама, бабушка, дяди, тетушки, а также несколько сверстников и сверстниц покойного дедушки Александра. Но тетя Лали решила, что получится слишком шумно и бестолково – мы только перепугаем юного гостя. «Надо продумать мизансцену, – сказала она. – Ведь Тбилиси всегда немножко театр...» В итоге решили послать в аэропорт нас с сестренкой, а остальным дожидаться дома, за торжественным столом.

Сестренку нарядили, как принцессу, дали ей в руки букет фиалок и наказали: «От Ги ни на шаг!». А мне разрешили ехать в джинсах и на всякий случай вручили картонку с надписью по-русски и по-грузински: «Звенигород – Тбилиси. Сандро – Гия».

Отвезти нас в аэропорт вызывались с полдюжины родственников и соседей, но я остановил выбор на отце своей одноклассницы – дяде Гизо Гамрекели (см. кв. N9. Картли).

У него был роскошный фээргевский лимузин с кондиционером. Не то чтобы я спасался от жары; просто, как заметила тетя Лали, Тбилиси – немножко театр. Я впервые осознал справедливость этих слов.

Приехали минута в минуту. Только припарковались, как информатор сообщила, что наш самолет произвел посадку.

– Идите, встречайте своего братца, – сказал дядя Гизо.

У решетчатой ограды толпился народ. Я попытался протиснуться. Уступали неохотно. Наконец, мы выбрались к ограде и увидели летное поле с большими и маленькими самолетами. Под крылом одного из них стоял грузовик с цистерной. К другому катила на колесах лестница с надписью «Аэрофлот». Лестница уперлась в борт самолета. Тотчас в нем открылась дверь, и из нее стали выходить люди. Теперь оставалось опознать Сашу. Задача не такая уж трудная: вряд ли среди пассажиров много подростков без родителей...

Мне кажется, я увидел его, как только он вышел на трап. Худой, длинноногий, в шортах и клетчатой рубашке, с ярко-желтым рюкзаком за спиной. Он шел неторопливо и с любопытством озирался. Идущий рядом седой мужчина с «кейсом»

указал на толпу встречающих. Слегка приоткрыв рот, он стал вглядываться в толпу. Встречающие к этому времени образовали коридор по сторонам распахнутой калитки. Отовсюду слышались возгласы, поцелуи. Толпа быстро редела. Когда Саша прошел через калитку, мы с сестренкой стояли в первом ряду. Наши глаза встретились. Не знаю, как это объяснить, но я узнал его. Это тем удивительней, что он оказался голубоглазый – в бабушку. Но что-то в нем было настолько родственное, родное, что я не спросил, а просто окликнул:

– Саша!

Он оглянулся, улыбнулся, протянул руку.

– Гия!

Неловко обнялись. У меня перехватило горло. Выручила сестренка: влезла между нами и, протягивая Саше букет фиалок, трогательно прошепелявила:

– Ждраштвуй, Шафа! Это тебе от наф...

Саша глянул на нее с высоты своего роста и наклонился, и я сразу навсегда полюбил его – такое у него сделалось лицо.

– А ты Тамрико? – он подхватил ее на руки. – Да?

Она охотно и весело кивнула и обеими руками убрала со лба волосы.

– Вы пришли меня встречать?

Она опять кивнула, чуть улыбаясь и расправляя волосы.

– Вот спасибо! – Саша поцеловал ее. – Вот уважила, сестричка! Не ожидал...

Седой мужчина с «кейсом», рядом с которым Саша шел по летному полю, послышался из машины.

– Молодые люди, могу подвезти.

Саша вопросительно посмотрел на меня.

– Спасибо, сударь, – поблагодарил я. – Мы с машиной.

В это время со стороны кучкующихся таксистов послышался знакомый голос:

– Кого я вижу! Гия-джан, цавотанэм! – через поредевшую толпу, заправляя в штаны вылезшую рубаху, к нам пробирался дядя Гурген. – Почему один? Так далеко, без папи, без мами...

Я объяснил, что встретил двоюродного брата. Того самого, с которым целый год переписывался.

Дядя Гурген окинул Сашу оценивающим взглядом.

– Я вообще-то подхалтурить разогнался, но раз такое дело – садитесь, отвезу.

– Нас на стоянке дядя Гизо ждет, – сказал я.

– Ва-а... – удивился Гурген. – Мерседес Гизо?!

Когда подошли к лимузину на стоянке, дядя Гизо вышел и услужливо распахнул дверцу. Саша растерянно оглянулся.

– Садись, садись, – сказал я. – Это Тбилиси!

Не успели расположиться в охлажденном салоне, как возле машины появился дядя Гурген, за руку поздоровался с дядей Гизо и попросил:

– Гизо-джан, позволь очень желтый рюкзак нашего гостя мне подвезти.

– Ты, часом, на солнце не перегрелся? – отшутился дядя Гизо.

– Нет, правда, – не уступал дядя Гурген. – Чем ждешь багажа, поеду за вами с его рюкзаком... Синок! – он перешел на русский и обратился к Саше. – Давай так сделим: ты впереди в этой драндулетке поедешь, а твой рюкзак за тобой на моей машине поедет.

Саша опять оглянулся на меня.

– Ми так знаем, сынок, – продолжал дядя Гурген. – Тбилиси свой закон имеет. Знаешь, как раньше уважаемый человек ехал? Один фэйтон сам сидел, другой – его котелок, а третий – трость. У тебя котелка с тростью нету, хоть рюкзак повезу...

– Ладно, Гурген, хватит парню голову морочить, – дядя Гизо включил зажигание.

Но я понял – дяде Гургену тоже захотелось поучаствовать в нашей игре. Распахнул дверцу и бросил ему рюкзак.

– Ты чего? – удивился Саша.

– Пусть едет следом, – сказал я. – Как в старом Тбилиси...

Поначалу «Запорожец» и впрямь держался за нами. Но, когда петляли улочками Авлабара, отстал: желтый Сашин рюкзак пропал и появился примерно через час. К тому времени все родственники перецеловали Сашу, после чего нам было велено умыться и идти к столу.

Нас посадили возле отца. Зазвякали ножи и вилки, забулькало вино и лимонад. И тут появился дядя Гурген с ярко-желтым рюкзаком, заметно распухшим и потяжелевшим.

– Вашей компании почет и уважение! – свободную руку поднес к губам и вскинул особым тбилиским жестом. – Не угнался «Запорожец» за немецким драндулетом. Прощения просим! Но рюкзак доставлен в целости, такой же желтый, как был...

Саша торопливо вышел из-за стола, принял рюкзак, развязал и извлек из него целлофановый мешок с черешней.

– Откуда это здесь? – он недовольно уставился на дядю Гургена.

– Ва-а... – притворно удивился дядя Гурген. – А разве не было?

– А сами не знаете, было или нет!

– Извини, сынок, – смущенно заулыбался тот. – Ми так знаем... когда хороший гость встречаем, подарок делаем... С у п р и з... Не надо так глазами сверкать, ты нашего корня росток, а то у Гургена Давтяна сердце слабее...

Папа попросил его присоединиться к нашему семейному

торжеству. Сначала он отказывался, но в конце концов уступил: сел рядом с тетей Лали и вежливо поблагодарил, когда мама поставила ему прибор.

Погодя появилась бабушка Сидония: принесла стопку хачапури, собственноручно испеченных Спиридоном Бабуадзе. Следом за ней спустилась тетя Тина Цицликашвили с бутылкой домашнего «Саперави» от дяди Гизо: «Уж извините, не подарок это для мальчика, да другого ничего под рукой не нашлось...». Обе с интересом присматривались к Саше, умилялись его синеглазости и почему-то потихоньку утирались платочками.

Пока мы сидели за столом со взрослыми, все речи адресовались Саше. Его потчевали, развлекали и расспрашивали, и при этом разглядывали с каким-то требовательным интересом, в котором вспыхивала радость узнавания. Теперь и я мог внимательней присмотреться к двоюродному брату и, должен сказать, он мне понравился. Мне нравилось, как он отвечает на вопросы, как слушает, а особенно, как улыбается, чуть смущенно и мягко. Я не смог бы держаться так просто с новыми знакомыми. Даже если б знал, что они мне родня.

Застолье затянулось до вечера. Слава Богу, нас не томили – отпустили, как только мы поели. И мы пошли в город.

Прогулки по Тбилиси

Целую неделю мы шатались по Тбилиси. Облазили тихий, тенистый Сололак с мемориальными досками и роскошными подъездами, приветствующими тебя на латыни – SALVE; фешенебельный Ваке, преобразенный богатыми кооперативами; динамичные Сабуртало и Дидубе; но главным образом старые, смачные Чугурети, Петхаин и Сеидабад, где с балконов домов, стоящих по разные стороны улицы, можно здороваться за руку, а в крохотные дворики и тупики с трудом втискивается малолитражка «Ока». Добрались до обоих озер – Лиси и Черепашьего, и большого синего водохранилища. Поднялись в Пантеон на Святой горе, к могилам Грибоедова и великих грузин, и еще выше – на плато

фуникулера, откуда город открылся из края в край, с петляющей Курой, ржаво-красными крышами и белыми кварталами новостроек. Спустились в Ботанический сад, дремлющий в глубоком ущелье, и целый день бродили среди его зарослей и бамбуковых рощ и плескались под водопадом...

Вечером за чаем делились впечатлениями. Саша больше помалкивал, слушал наши рассказы о городе, его горестную и кровавую историю, перемешанную притчами и анекдотами. Но однажды он заговорил, сбиваясь от волнения:

– Удивительный город! Я и раньше любил его, не видя. Не знаю за что... Может быть, за имя. Оно словно покрыто персиковым пушком – Тбилиси... Или за песню... Не знаю... Не умею сказать... Где-то я прочитал: «... между теплиц /и льдин, чуть-чуть южнее рая,/ на детской дудочке играя, / живет вселенная вторая / и называется – Тифлис». Я думал, что это слова, поэтические вольности. А оказалось – все правда! Особенно про детскую дудочку...

Волнение Саши передалось маме. Она подошла к нему, обняла за плечи и поцеловала в темя.

Сестренка, во все глаза наблюдая за ней, засмеялась и с удовольствием сообщила:

– Голеву поцелявала...

Последнее поражение царя Ираклия

Напоследок я решил сводить Сашу к любимому месту – обелиску тремстам арагвинцам. Он поставлен на месте Крцанисской битвы, там, где дружина горцев врубилась в лавину персов, с ревом несущихся на Тбилиси. Я не уверен, что их было ровным счетом триста. И вряд ли они были подобраны один к одному – в бескормицу богатыри редкость... Со странным чувством прохожу я каждый раз мимо этого обелиска: будто я непоправимо опоздал. Опоздал к умирающему отцу и не слышал его последних слов; насмерть загнав коня, опоздал на битву, где погибли все мои братья. Это чувство похоже на зависть...

День был облачный, душный. Выстланную плитами площадку вокруг обелиска заливал полуденный свет, но сам обелиск – гигантский каменный меч, торчащий из земли, и саркофаг с силуэтами витязей не отбрасывали тени. В бетонной чаше горел Вечный огонь.

Я перевел Саше надпись на обелиске и объяснил, почему на всех гранях памятника вытиснено по три фигуры.

– Это было самое тяжелое поражение Ираклия. Ему изменили не только князья, но и сыновья. Лишь царь Имеретии Соломон с отрядом в три тысячи сабель прибыл на помощь. Но этого оказалось слишком мало. Ираклий едва избежал плена. Персы ворвались в город и разграбили его. Чтобы оставить по себе память, кизилбаши покалечили тбилисских женщин – подрезали им сухожилия на ногах – и еще долго по улицам Тбилиси ковыляли старухи-хромоножки: их число удивляло служивших на Кавказе русских чиновников.

Мы присели прямо на плиты, прислонясь спиной к саркофагу. От него веяло теплом. Саша долго молчал.

– В каком году это случилось? – спросил он, наконец.

– Осенью тысяча семьсот девяносто пятого.

– Но ведь в восемьдесят третьем был заключен Георгиевский трактат! – возмутился Саша.

– Трактатом от сабель и пушек не отобьешься! Царь Ираклий знал о планах Ага-Магомет-хана и просил обещанной договором военной помощи, но так и не допросился... Положение смахивало на то, в которое попал при Петре I Вахтанг.

Саша слушал меня хмуро, словно бы с досадой. Он окинул взглядом обелиск – торчащий из земли каменный меч – с нашей стороны на нем была вытиснена фигура витязя в шлем и недовольно спросил:

– Какое еще положение?

– В 1722 году Петр I начал поход в Иран. Согласно договору, царь Вахтанг выступил в Ширван, где его армия должна была соединиться с русской. Три месяца он прождал союзников, но вместо армии туда прибыл царский посол и сообщил,

что Петр откладывает поход... Можешь представить себе положение Вахтанга – ведь он был вассалом иранского шаха! За измену и турецкий султан на него взъялся. В итоге пришлось Вахтангу покинуть свою страну и перебраться в Россию. Он надеялся вернуться и освободить Грузию, но надежды наших царей сбывались очень редко.

Саша подтянул колени и обхватил их руками. Он опять был в шортах. После экскурсии по Ботаническому саду его ноги были исцарапаны – он не умел продирается через дебри.

– Наверное, у него были причины, – недовольно сказал он,

– У Петра? – спросил я. Он кивнул. – Еще бы! Он делал мировую политику и все видел в другом масштабе: на юге – Турция, на Востоке – Иран и Индия, а на Западе – Европа с Балтией. А тут какое-то маленькое царство, даже не вся Грузия, а ее часть... Но нам-то от его масштабов не легче.

– Вначале ты столько писал мне об истории – прямо заколебал! – Саша искоса глянул на меня и усмехнулся. – А об этих делах почему-то ни слова, – он кивнул на обелиск.

– О каких? – не понял я.

– О Георгиевском трактате, Крцанисской битве и присоединении к России. – Он ткнул меня локтем и попросил. – Расскажи!

– Что рассказывать? – я пожал плечами. – Ты парень начитанный, сам все знаешь.

– Да ладно! – Саша положил руку мне на плечо. – Расскажи...

– Про Юрия Боголюбского я, кажется, писал, – уступил я. – Мужа царицы Тамары...

– Было, – кивнул Саша. – Помню.

– Ну вот. Выходит, еще в XII веке мы сделали шаг к союзу с Россией. Но тогда для нас не было в нем жизненной необходимости. Она стала нарастать позже, когда на месте Византии, связывающей нас с христианской Европой, оказалась Турция. Триста лет Иран и Турция терзали нас. И с каждым годом мы острее осознавали, что спасение в союзе с единой верной Россией. Мы рвались к ней через труднопроходимые перевалы и все препятствия. Первые плоды дипломатические усилия

Монумент 300 арагвинцам в Тбилиси

принесли еще при Иване Грозном – он направил на помощь царю Левану отряд стрельцов. Позже было немало обещаний. Но вопрос созрел, только когда Закавказье попало в поле политических интересов России. Тогда-то и был заключен Георгиевский трактат.

– Ты можешь коротко сказать, в чем его суть? – спросил Саша. Он изменил положение и теперь сидел, прислонясь плечом к саркофагу, и сбоку смотрел на меня.

– По трактату царь Картли и Кахетии признавал верховную власть и покровительство российского императора и, вступая на царство, получал императорское подтверждение «с инвестицурою», – не знаю, правда, что это такое. Некогда, до Давида Строителя, так же подтверждали права наших царей Византийские императоры.

– По-моему, и шах с султаном тоже.

– В том-то и дело. Мы решительно меняли ориентацию. По трактату наш царь мог вести переговоры с иностранными государствами только с согласия русского правительства. В войне он обязан был выступить на стороне России. Со своей сто-

роны русский император обязывался защищать Грузию от внешних врагов.

– «Не опасаясь врагов за гранью дружеских штыков», – продекларировал Саша. – Но какая же это защита! – он кивнул на обелиск.

Я пожал плечами.

– Может быть, нам хотели показать нашу беспомощность. Ведь через полгода после Крцаниси русские вступили в Закавказье... Что еще? – я потер переносицу, припоминая последние главы из учебника истории. – Император обязывался не вмешиваться в наши внутренние дела. Престол «беспрременно» сохранялся за Ираклием и его потомками. Они величались «Божьей милостью и Императорского Величества благоволением царь». Вот, пожалуй, и все... Трактат как трактат. Не скажу, чтоб он льстил нашему самолюбию, но у нас не было выбора. Не в первый раз нам приходилось выбирать меньшее из зол.

– А что было потом? – спросил Саша. Он опять переменял положение: теперь сидел против меня на корточках, костлявые колени торчали выше плеч.

– Потом царь Ираклий умер.

Его сын добился от Павла I оговоренной инвестицурою. Но затем в Петербурге приняли решение об упразднении Восточно-Грузинского царства и его присоединении к России. Вот и все.

Саша встал, постоял надо мной. Потом, засунув руки в карманы шортов, прошелся вокруг саркофага и осторожно спросил:

– А наши что?

Я тоже встал и посмотрел на обелиск.

– Манифест об упразднении Восточно-Грузинского царства был издан в восьмьсот первом году. А в восьмьсот пятом началось первое восстание за независимость. За ним последовал заговор дворянства. И новое восстание... Ну, а результаты ты знаешь...

Сашка долго молчал, не отрывая глаз от витязя на обелиске.

– А как же Лермонтов? – вдруг спросил он.

– При чем тут Лермонтов? – не понял я.

– Для меня ни его без Грузии, ни Грузии без него!

– Разве только Лермонтов, – сказал я.

– Не случайно сказано о Грузии: «Ты – русской музы колыбель вторая...»

– Тебе лучше знать... Но ты спросил об истории, – напомнил я.

– Да, – повторил Саша. – Об истории...

Уходить не хотелось – такое это место. Мы опять сели на плиты, прислонясь спиной к теплему саркофагу. За Курой по набережной проносились машины. Мчались к пробитому в скале тоннелю и исчезали в нем. Навстречу им неслись другие. Солнце пекло сквозь облака.

Из жидкого кустарника, окружающего обелиск, выкатился мальчик на трехколесном велосипеде. Он долго петлял по плитам, то разгоняясь, то замедляя ход. Потом его привлек Вечный огонь. Он подъехал к бетонной чаше и остановился. Рыжие пламя плясало. Мальчик не моргая смотрел на него.

Вокруг, на месте Крцаниской битвы, шумел город.

Синее небо моего детства, небо Тбилиси, жаркое лето, воздух, напоенный запахом южной зелени и настолько густой, что, кажется, его можно резать ломтями. И мама. Мама, которая идет мне навстречу. У меня захватывает дух, я не вижу ее лица – только сияние, исходящее от него...

Дом, в котором я родился, когда-то весь принадлежал нашей семье, вернее, семье моей мамы. Это был красивый, даже для Тбилиси, дом в три этажа с большим двором, в котором был фонтан и огромное туговое дерево...

Акоповы – фамилия моей мамы – хорошо были известны в Тбилиси. Один из дядей мамы был какое-то время городским головой... А еще был беспутный дядюшка. Он считался чрезвычайно легкомысленным и постоянно подвергался осуждению, хотя был человеком вполне безобидным. Когда он загуливал, ехал кутить, то нанимал три экипажа. В одном ехал он сам, в другом ехала его шляпа, в третьем – трость...

Странно, но в Тбилиси сохранилось немало людей как бы из прошлого, из старой жизни. Во многом именно они задавали тон в городе даже в советское время. В Грузии слово «товарищ» не вытеснило слово «господин». К старшим часто обращались «батано». А старые фамилии по-прежнему пользовались уважением...

Из книги **Микаэла Таривердиева**
«Я просто живу».

Глава 1, «Тбилиси – полифонический город»

ТБИЛИССКИЙ МАЛЬЧИК МИКАЭЛ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ОРГАНИСТОВ ИМЕНИ ТАРИВЕРДИЕВА

Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Летом я узнала, что в сентябре 2023 года в Калининграде состоится очередной, XIII Международный конкурс органистов, носящий имя Микаэла Таривердиева. О конкурсе, проходящем раз в два года, я давно слышала и давно хотела на нем побывать. Конкурсу уже четверть века, и все никак! Но в этот раз – совпало: калининградские друзья пригласили в гости как раз в «конкурсный год» и в сентябре. По дороге в Калининград как-то задумалась о том, почему конкурс носит имя Таривердиева? Конечно, блистательный композитор, лауреат Госпремии, народный артист СССР... Но

разве он был органистом? Отложила ответы на потом. Стала жить прямо на берегу Балтики, в полчаса езды до Калининграда, утром ныряла в прохладное море, потом отправлялась на электричке в город, в областную филармонию – в бывшую кирху Всех святых с хорошим старинным органом. Там каждый день репетировали уже приехавшие органисты-конкурсанты, и меня пускали послушать.

Что по нынешнему времени порадовало: конкурсанты, прошедшие первый тур «онлайн», приехали не без приключений, но зато приехали все. Не меньше трех десятков из Европы и

Азии. Они, молодые и веселые, беззаботно чирикали друг с другом на всех языках. Но волнение нарастало. Приближалось открытие конкурса в огромном Кафедральном соборе... Предстояли праздник и соревнования!

Мысль о Таривердиеве-органисте не отпускала. Я любила этого композитора, была на его выступлениях. Множество его чудных мелодий, совершенно особенных, «узнаваемо-таривердиевских» – и сейчас на слуху у всех-всех моих ровесников. Да и не только ровесников. У меня особенное место занимают песни на стихи Цветаевой,

Пастернака, Ахмадулиной.

Микаэл Леонович ушел из жизни внезапно, в 65 лет, в 1996 году. Но, слава богу, его музыка пережила своего чудесного автора.

Конечно, я давно знаю, что музыкальный диапазон Таривердиева был огромен: от саундтреков к всенародно любимым фильмам, от шлягеров, исполнявшихся Пугачевой и Кобзоном – до опер, балетов, симфоний и камерных инструментальных пьес. Да, автор музыки к 132 фильмам, да, симфонии и оперы... Но – орган?

Заглянула в интернет, в одной из статей прочла о композиторе: «...он никогда не был органистом», а дальше: «но он был философом». Хорошее объяснение, но, согласитесь, недо-

Кафедральный собор в Калининграде

статочное.

Между тем получила программу-каталог конкурса, прочла, что Международный конкурс органистов имени Таривердиева «имеет в мире органной музыки то же значение, что для всех пианистов и скрипачей – конкурс имени Чайковского». И еще: «Особое место в творчестве Микаэла Таривердиева имеет органная музыка. Но как часто бывает, признание и понимание приходит к мастеру после его ухода».

И это многое объяснило. Таривердиев любил орган и писал для него, но по-настоящему услышан не был... Еще я узнала, что, как и на конкурсе Чайковского, где все участники непременно включают в свою программу произведение Пе-

тра Ильича, на международном конкурсе органистов участники исполняют какое-либо сочинение композитора, чье имя носит конкурс. Так органные произведения Таривердиева были, наконец, по-настоящему услышаны в мире. Так, наконец, и я – в Кафедральном соборе Калининграда – впервые в жизни услышала органную музыку Таривердиева. Произошло это на конкурсном выступлении французского органиста Жана Нувеля-Алу, когда прозвучала вторая часть симфонии Таривердиева «Чернобыль». Она называется «Quo Vadis?» (или по старославянски «Камо грядеши?»). Эта музыка меня потрясла. И ее исполнение сделало Жана Нувеля моим фаворитом в конкурсе.

Как же родилась симфония для органа «Чернобыль»?

На Припяти Микаэл Леонович побывал в сентябре 1986-го. Поездка известных артистов к тем, кто работал в зоне не просто аварии, а ядерной катастрофы, была задумана газетой «Советская культура». И организацию ее редакция поручила молодой сотруднице с музыкально-ведческим образованием. Ее звали Вера Колосова.

В концерте приняли участие знаменитые актеры Элина Быстрицкая и Николай Крючков. И композитор Таривердиев.

Концерт прошел в «зеленой зоне», относительно безопасной. Но ведь пришедшие на концерт зрители, называвшиеся новым и странным словом «ликвидаторы», работали не в «зеленой зоне», а там, где произошла катастрофа, и такая, какой еще не знала планета. Там, где дымился и излучал смерть реактор атомной станции, разрушенный ядерным взрывом в 500 раз более мощным, чем взрыв бомбы в Хиросиме...

Таривердиев захотел непременно это увидеть. Не мог там не побывать. Обратился к главному начальнику ликвидаторов. «Ну что ж, поехали, – подумав, поглядев в глаза музыканту, сказал генерал. – Наденьте маски, а по возвращении выкиньте всю одежду».

«С Верой мы сели в «газик» и поехали к станции...» Так, коротко и просто, написал Таривердиев в своей книге о начале

путешествия к симфонии «Чернобыль». И не только к симфонии. Через некоторое время после этой поездки Вера Колосова станет Верой Таривердиевой.

Это всего лишь крохотный эпизод из книги «Я просто живу», написанной Микаэлом Таривердиевым. Очень честной, талантливой, хорошей книги. Я читала ее ночами, когда в Калининграде шел конкурс. Вот еще цитата, о том, как возникла симфония для органа: «Я не собирался ничего писать о Чернобыле. Весной 1987 года симфония для органа появилась во мне сама... Это реквием, это дань памяти тем, кто закрыл нас собой от беды».

Да, все просто. Такой он был человек. Он просто так жил. То, что видел и чувствовал Таривердиев, становилось – музыкой. И новой жизнью. И книгой о жизни. Я ее дочитала уже дома, вернувшись из Калининграда.

Что же это был за мальчик, из которого вырос такой человек? В книге есть прекрасная глава «Тбилиси – полифонический город!». Выше приведено несколько цитат из нее. Прочтите, и вы, мне кажется, поймете, какова природа таланта Микаэла Таривердиева, его обаяния, его музыки. Просто жил-был мальчик из старинной армянской семьи. Настоящий тбилисский мальчик, любимый мамой, с чуткой душой, очень способный. И очень смелый. Уже во втором классе музыкальной школы Микаэл сочинил несколько музыкальных этюдов. После школы – Тбилисское музыкальное училище. Он закончил его за полтора года. Потом Ереванская консерватория, где проучился полтора года и бросил. Уехал в Москву и продолжил образование в знаменитой Гнесинке, в классе Арама Хачатуряна... В дальнейшей жизни ему оченьгодились и талант, и отвага, и тбилисское обаяние.

Вернемся в город Калининград, к XIII Международному конкурсу органистов. Никогда в моей жизни не было, чтоб на протяжении недели, каждый день, с перерывами разве что на сон, на холодное море да на электрички с автобусами, для меня звучали сразу три прекрасных органа! Было нелегко.

Церемония награждения. Жан Нувель-Ану и Вера Таривердиева

Но как же я этому испытанию благодарна! Я слушала репетиции в филармонии, была на открытии конкурса в огромном, заполненном слушателями до отказа Кафедральном соборе. Церемония завершилась концертом «Музыка парижских соборов» – его дали председатель жюри конкурса, профессор органа Страсбургской консерватории и титулярный органист собора Нотр-Дам де Пари Йонн Вексо вместе с лауреатом международных конкурсов тенором Дамиеном Ривьере (Франция). Я слушала большинство выступлений участников конкурса из «шорт-листа», финалистов... Только на финал не попала, пора было уезжать. Но, приехав домой, узнала имена победителей. 1-я премия – Мария Коронова (Россия), 2-я премия – Сяофен Хе (Китай). Но и мой «фаворит», Жан Нувель-Ану, тоже стал лауреатом XIII конкурса – 3-я премия и множество призов и дипломов! (А еще – мы с Жаном теперь друзья в Фейсбуке).

Произошла в XIII счастливым финале и сенсация: студентка Санкт-Петербургской консерватории Ирина Крюкова (15 лет!) получила диплом конкурса и премию Г. Бооса «Надежда России»...

После конкурса, уже в Мо-

скве, мне захотелось встретиться с Верой Таривердиевой, арт-директором международного конкурса органистов. Встретиться, чтобы просто сказать ей спасибо. Ведь это именно она занялась огромным музыкальным наследием внезапно скончавшегося Микаэла Леоновича. Это она организовала Международный конкурс органистов, носящий его имя. Идею конкурса поддержало множество деятелей культуры в России и мире. И вот уже четверть века конкурс живет, а его участники (за все эти годы в конкурсе приняли участие музыканты из 37-ми стран!) – вошли в мировую элиту органистов. Она ездила с ним в зону Чернобыльской катастрофы. И еще: последнюю главу книги Микаэла Таривердиева «Я просто живу» доработала она, Вера Таривердиева.

Спасибо, Вера Гориславовна.

P.S.

Скоро надеюсь вновь оказаться в Тбилиси. И непременно навещу не только всех старых и новых друзей, но и постараюсь найти тот самый дом Акоповых над Курой, где 15 августа 1931 года родился замечательный тбилисский мальчик Микаэл, ставший композитором с мировым именем.

О МОДЕ, ВОЙНЕ И ВЫСТРАИВАЕМЫХ МОСТАХ

■ Екатерина МИНАСЯН

Впервые я встретила с Александром Васильевым в 2006 году, на заре своей журналистской карьеры. Интервью мы писали в гостинице. Не помню, где останавливался историк моды, что на нем было надето. Но шарф – да, помню, потому что Васильев, по-моему, не появляется на публике без него. И помню тот душевный подъем, который сопровождал меня еще целую неделю после нашего разговора. Беседа запечатлелась в памяти, как одна из самых ярких за всю мою практику. А все потому, что всемирно известный театральный художник, дизайнер интерьеров, искусствовед и историк моды Александр Васильев, помимо всех официально заявленных званий, обладает талантом шоумена. Причем шоумена, который выступает одновременно и актером, и режиссером, и художником.

Чем бы ни занимался Васильев – ведет ли популярную передачу «Модный приговор» (увы, полтора года назад, после 17-летнего пребывания в эфире одного из центральных российских каналов ее закрыли), читает ли лекции в каком-либо из европейских вузов (он это может себе позволить, поскольку владеет несколькими иностранными языками), проводит ли семинары и мастер-классы – на выходе получается спектакль. Отлично срежиссированный и блестяще сыгранный. С тщательно выстроенными декорациями и талантливо подобранными костюмами. Наполненный тонкой иронией и интересными размышлениями о главном. Спектакль, где главный герой играет самого себя.

ГРУЗИНСКИЙ СТИЛЬ

В Тбилиси Александр Васильев приехал в рамках программы его выездной школы, которая подразумевает совместные поездки с историком моды в страны, где находятся лучшие музеи, архитектура и памятные места. После встречи с публикой в книжном магазине «Аудитория» Александр спросил меня: «Ну, как я отвечал на вопросы из зала?» Я улыбнулась и подумала, что, обласканный славой и успехом, он, пожалуй, сумел сохранить в себе ребенка. Вслух же сказала: «Вам полагается грузинский Оскар».

– Александр, как в вашу жизнь вошла Грузия?

– Впервые в Грузию я приехал в 1972 году, по приглашению профессора Академии художеств, народного художника Парнаоса Лапиашвили. Он нам посоветовал поехать в дачный поселок Пасанаури, где мы с отцом (Александр Васильев-старший, театральный художник, заслуженный художник РФ) и провели лето. Помню, сидим в ресторане, стол завален едой. И цыплята табака сложены пирамидкой. Подходит официант и дополняет эту пирамидку новыми птицами, а «старые» выбрасывает в кусты,

поясняя – собака съест. Грузия оставила у меня в первый визит впечатление страны изобилия и хлебосольства. Потом я приезжал сюда по приглашению известной балерины Нино Ананишвили, с которой давно дружу. Нина была ученицей моей мамы (Татьяна Васильева-Гулевич, актриса, педагог, профессор), которая преподавала актерское мастерство в хореографическом училище Большого театра. Первая моя работа с Ниной была в Португалии – я создавал декорации и костюмы для балета «Дон Кихот», в котором она танцевала. Костюмы ей очень понравились. Она в них фотографировалась, выступала на многих мировых сценах. А потом Нина стала художественным руководителем Грузинского театра оперы и балета и как-то раз позвонила и сказала: «Сашико, приезжай в Тбилиси». И предложила поработать для балета «Два голубка». Это был период, когда в Тбилиси не было света. Помню, хожу по Руставели – и в каждом магазине горит свеча. Это было романтично. А затем другая известная грузинка, которая занимается в Грузии модными показами, стала моей студенткой. Софиико Чкония начала путешествовать со мной по разным странам мира. И у меня в группе познакомилась с человеком, который стал ее супругом – речь идет об Игоре Оболенском. И у них родился мальчик Теймураз. Я часто приезжал в Тбилиси по приглашению Софиико читать лекции по истории моды. Грузия – это страна, в которую я всегда приезжаю с удовольствием. Я бывал тут раз десять. В Грузии тебя всегда ждут хорошая погода, радушные люди, вкусная еда и интересные идеи. У вас очень насыщенная культурная жизнь. Всегда есть чем заняться. Я не скучал тут ни одного часа. Понимаю, что нельзя путать туризм с эмиграцией. Возможно, если бы я жил тут, у меня были бы другие представления.

– Как менялась Грузия на протяжении последних лет?

– Она становилась все более западной. Появилось огромное количество памятников архитектуры: стеклянный мост, резиденция президента, обилие новых скульптур. Изменилось состояние дорог. Замечаю, что реставрируются старые дома и районы, хоть много и остается еще несделанным. Но Тбилиси – большой

город, и отреставрировать все сразу невозможно. Впечатляет количество пешеходных улиц, ресторанов, туристов... Стало больше света, больше движения. И появилось полное ощущение безопасности.

– Ваш тезка Александр Дюма, прогуливаясь по улицам Тифлиса, как-то сказал – мода Тифлиса отстает от моды Парижа всего на две недели. Сократилось ли это расстояние?

– Мне кажется, раньше люди одевались более старомодно. И было больше пожилых людей. Сейчас больше молодежи. Может, это связано с эмиграцией из России. Они стараются влиться в грузинское общество. Сегодняшний Тбилиси более космополитный. Отношение к моде в Грузии до сих пор носит очень сексуальный характер. Женщины одеваются женственно. Не боятся ни уличного насилия, ни грабежей, носят короткие юбки, платья и украшения. В Париже одеваются скромно, недорого и неброско. Одеваются в унисекс. Да и я сам стараюсь в Париже не выделяться. Не хочется быть мишенью грабителей. Скажут, вот, приехал какой-то богач. Стоит вам в каком-нибудь кафе повесить свою сумку на спинку кресла, и все – попрощайтесь с ней.

– Вы 40 лет прожили в Париже. Наверное, давно стали своим среди чужих?

– В любой стране, куда бы ты ни попал, присматриваешься к традициям, общаешься с ее жителями, приобщаешься к культуре. И никуда, ни в один монастырь не лезешь со своим уставом. Я никогда не чувствовал себя чужим. Нигде. И в Грузии не чувствую себя чужим.

– Есть у грузинской моды одна особенность – приверженность к черному цвету.

– Черный цвет любят не только грузинки, но и испанки. Это традиция, которая основана на такой черте, как скромность. В Грузии половое созревание наступает рано. Не то, что у скандинавов, где до 25 лет гуляют в девушках. Так вот, любая цветная, особенно декольтированная, одежда вызывает бурную реакцию. И для того, чтобы избежать этих горячих взглядов, женщины надевают черное. Вот такое у меня на этот счет мнение.

– Многие из посещающих Грузию не в первый раз, говорят о том, что глобализация стирает грани-

цы, и страна теряет традиции.

– Я бы не стал оценивать так однозначно. Кухня, например, полностью сохранила традиции. В искусстве они тоже сохраняются. У меня как раз ощущение, что XXI век не разрушил традиции, а сделал их более современными.

– Кого вы могли бы выделить из грузинских дизайнеров?

– Единственный широко известный дизайнер грузинского происхождения – это Демна Гвасалия. Потому что он работает в известном бренде «Balenciaga». Грузия поистине может гордиться тем, что он добился такого успеха. Но помните – в моде все временно. Пришли вы, к слову, в магазин, а там вам предлагают приобрести красивый жакетик. Но у вас уже есть жакетик, и даже шапочка к нему есть в наличии. Тут вам выдают: «О, что вы! Ваш жакет уже не в моде!». Как, возражаете вы, еще шесть месяцев назад он был моден, а теперь нет? И если вас не убедят в том, что вам обязательно нужно купить этот жакет, продажи будут падать. Главный принцип индустрии моды заключается в том, чтобы заставить вас поверить: то, что выпущено сегодня, гораздо лучше того, что было выпущено вчера. Мода должна низвергнуть все то, что она делала раньше. Не могу сказать, что я в восторге от деструктивных образов, которые создает Гвасалия. Он автор рванины, певец сегодняшнего дня. Он актуален, современен, не анахроничен. Но однажды, в один день, он перестанет быть модным, как это случилось с Жан-Пьером Готье, Марком Буаном, Славой Зайцевым... Хольте и лелейте Демну Гвасалия сегодня, пока он на коне. И дай бог продержаться ему там долго. Обычно, если дизайнер продержался 20 лет, то это уже много. 30 лет продержались Ив Сен-Лоран, Шанель, Лагерфельд, и это редчайшие случаи. У Лагерфельда было большое достоинство и недостаток – он работал сразу на четыре фирмы: в Хлое, для Фенди, для Диора и для Лагерфельда. Хуже всего с продажами было у фирмы, которая работала под его именем. А лучше всего дела шли у фирмы Шанель, потому что все свято верили в магию слова «Шанель». Кстати, родители Лагерфельда до Первой мировой войны жили во Владивостоке. И представляли там молочную фирму Нестле.

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

– Кто из дизайнеров XX века вам симпатичен?

– Мариано Фортунни, испаноязычный дизайнер, одна из ключевых фигур 20-го столетия из мира моды, который ни разу не вышел из моды. Второй – это французский кутюрье и влиятельнейший модельер 1910-х Поль Пуарэ, прославившийся своим новаторством. Причем, он чуть ли не единственный представитель индустрии моды, который был женат и у которого были дети. Потому что мода и женитьба – вещи несовместимые. Дизайнер женат на моде. И другим женщинам там не место, ну, кроме 12 манекенщиц, которые ходят к нему на примерки, и сотен клиенток, которые его обхаживают. Поль Пуарэ был и художником, и автором мебели, и автором тканей, и автором духов. И его творчество для меня абсолютно незаменимо. Продолжая разговор о дизайнерах начала века, я бы добавил к этому списку Кристобала Баленсиагу, который в 30-е годы добился очень многого. Пик его карьеры пришелся на 50-е. «Высокая мода подобна оркестру, а дирижирует им Баленсиага. Мы, остальные кутюрье, – музыканты, покорные его смычку», – так отзывался о Кристобале Кристиан Диор. Именно он преобразил тогда женский силуэт, убрав талию и расширив плечи. Дальше можно выделить Диора как реформатора женского силуэта в 50-е годы. Хотя его нельзя назвать новатором, он был скорее ретроград. И все время тянул женщин в прошлое. Мы должны отметить Пьера Кардена как выдающегося дизайнера, который в конце жизни испортил себе некролог. Он стал слишком массовым, потому что продал свой бренд. Это дизайнер, который умер миллионером, тогда как большинство дизайнеров умирает разоренными. После его смерти осталось 164 объекта недвижимости. Его идея черных колготок и футуристического взгляда мне очень импонирует. Можно выделить Ив Сен-Лорана, сделавшего из женщин то, чем вы являетесь сегодня. Потому что почти все из вас сегодня одеты в его стиле. Он позволял женщине все. Не заставлял их утягивать талию, в отличие от Диора, который брал манекенщиц с талией 47, 49 и 52 сантиметров. И никаких вам хинкали. Забудьте о них. Поедая хинкали,

мы превращаемся в гигантскую хинкали. Минута во рту и годы на бедрах – помните об этом. Напишите это на холодильнике. Я добавил бы еще реформатора XX века Жан-Поля Готье, определившего высокую моду 80-90-х годов. А самое пагубное влияние на моду оказало движение хиппи, возникшее в 68-м году. Потому что хиппи подарили нам стиль унисекс, где женщина может быть мужчиной, а мужчина может быть женщиной. Но если смотреть философски, то ничего плохого в этом нет.

– Настанут ли времена, когда дистанция между женской и мужской модой сократится еще больше?

– Мы придем к такой форме общества, где одежда будет униформой. И только небольшое количество людей, которые ходят на какие-то мероприятия или посещают светские рауты, будут одеваться по-другому и выделяться. Первый шаг сделан, мы все перешли на кроссовки. Потому что они одинаковые. Раньше – туфельки разные, изящные. С каблучком и без, с лялочкой и без нее и так далее. Но все это ушло. Я закупил много обуви для своей коллекции. Той обуви, которую больше не будут выпускать. Ну, разве что на свадьбу будут надевать. Но женщина не каждый день выходит замуж. И старается задержаться при одном муже, если у них возникла семья, общность интересов и т.д. Но брак, любовь и любовник – это трое разных мужчин. И не каждая женщина такое ментально допускает.

– Что вы думаете об оверсайзе?

– Это никогда не было в тренде. Но для успокоения огромного количества женщин, которые во время пандемии сидели на готовом питании, поедали в огромном количестве мучное и в конце концов превратились в это самое мучное, им шьют одежду. И правильно делают. Нравятся ли мужчинам такие женщины? А вы спросите у своего мужчины. Если мужчина ответит вам, что предпочитает кататься на волнах, чем биться об скалы, то пожалуйста, все нормально.

– Вы обронили, что женитьба и мода несовместимы. Почему капризная дама по имени мода ревностно относится к любой конкурентке?

– А потому что все дизайнеры моды – геи. Так устроен мир.

Все гетеросексуальные мужчины стремятся женщину раздеть, и только дизайнеры стремятся ее одеть. Этого нельзя изменить. Мужчина не может интересоваться женской одеждой. В крайнем случае, он может интересоваться женским бельем. У него другой взгляд на женщину.

– Мы говорили с вами о дизайнерах 20-го столетия. Давайте заглянем в будущее. Как вы относитесь к виртуальной моде и коллекциям? И какое отношение к моде и искусству имеют вещи, которые можно увидеть только в смартфоне?

– Думаю, что победит мода искусственного интеллекта. Профессия дизайнера будет сходиться на нет. В компьютер будут загружать требования коллекции, отдавая команду: чуточку китайских мотивов, чуточку трикотажа и чуточку жемчуга. И вуаля – коллекция готова без особых затрат. Искусственный интеллект начнет работать над фильмами, писать сценарии, например. Мы в начале пути. Искусственный интеллект станет нашим главным врагом. Человек будет бороться с мыслью компьютера и не победит. Есть такой гаджет, где можно любого человека переодеть. В любой стиль, нажав на сочетание кнопок. И вы уже не шатенка, а ярко-рыжая. И нарядов куча, выбирай любой. Причем и наряды яркие, и у вас самой формы идеальные. Здорово, не так ли? Вот я в мини, в макси, в кринолине, вот я в купальнике. И вы начинаете верить, что вы на самом деле такая, и начинаете все это публиковать. Сегодня в интернете столько фальшивых образов! Но все это иллюзия, не имеющая ничего общего с реальным миром. Людям все меньше будут давать путешествовать, и мы будем привязаны к резервации и цифровому доллару – таково мое грустное предположение.

– А можно в моде заглянуть на несколько лет вперед и сказать, какой она будет лет этак через десять?

– Нет, что вы! Все это зависит только от войны и кризиса. Мода сиюминутна. Она ни разу не угадала, что будет через десять лет. Глобально мы знаем, что победит унисекс, и он уже победил. Что победит Восток, и он уже победил. Что победит трикотаж, и он уже победил. Но мы не знаем, что победит по произ-

водственному циклу. Тенденции всегда сиюминутные...

О ВОЙНЕ И МОДЕ

– Влияет ли мода на политические процессы?

– На мой взгляд, Советский Союз рухнул и из-за моды на джинсы, в том числе. Джинсы были самой популярной одеждой и стоили бешеных денег. Стало очевидно, что в Союзе что-то явно не в порядке, до чего-то они не дотягивают, коли не могут произвести ткань из хлопка. Джинсы были скорее неким собирательным образом. Ведь Союз не мог производить и многого другого. И это серьезно пошатнуло имидж страны. Есть такая философская мысль, что строй разваливается не потому, что правители так решают. А потому, что система себя изживает. Так вот, советская система себя изжила.

– А какова мода в военное время? И вообще, уместно ли о ней говорить?

– В военное время повышается накал сексуальности среди женщин. Мужчин становится меньше. Это очень сильно выразилось сейчас в России. Посмотрите на результаты конкурсов за звание мисс и миссис Россия. Это женщины с пельменями вместо губ, с силиконом вместо груди, накладными ресницами. Они выглядят, как куклы из сексшопа. Но они нравятся, и их выбирают. Почему? Да потому что это и есть мечта солдата. Что у него в постели будет кукла, которая ни о чем не будет думать. Она будет исполнять все, что от нее требуют. И будет выглядеть, как жуткая термоядерная война. Это и есть лицо войны.

– Бытует расхожее утверждение, что мода меняется раз в 30 лет.

– Нет, совершенная глупость. Мода меняется каждые 10 лет, причем радикально. Это связано с поколением. Мода – зеркало истории. И это связано с изменением исторических парадигм, границ определенного периода. Сейчас время, когда война близко. А в Грузии часто война бывала близко. Война в Осетии, Абхазии, Карабахе. В принципе, я понял одну вещь... Думаю, и другие поняли без меня – человечество вообще не может жить без войн.

– Для чего же нужны войны?

– Обилие тестостерона у мужчин. Надо же его куда-то девать.

Мужчины перестали ходить на охоту, потому что запрещено. Ленятся ходить на рыбалку, потому что далеко. Не пашут в огороде, не строят домов, потому что тяжело. Единственное, на что их сегодня хватает, так это на виртуальные боины. А войны для них – этокое продолжение виртуальной картинки. Допускаю, что для многих из них границы между реальностью и виртуальностью стерты, война выступает продолжением компьютерных игр. Отсюда допустимость горя и бед. И абстрактное отношение к происходящему. Для меня очевидно, что если миром бы правили женщины, войн не было бы.

– Выходит, в XXI веке нами правят пещерные инстинкты. А как же образование?

– Оно очень сильно просело. Сейчас гуманизм – не первая цель в образовании. Людей, наоборот, ссорят и настраивают друг против друга. Мне почти 65 лет, и у меня получается со всеми, независимо от национальной принадлежности, выстраивать ровные отношения.

– Ваши комплименты – это тонко подмеченные детали. Они подкупают, располагают и греют очень долгое время.

– Я умею делать это в индивидуальном порядке. К каждому человеку можно найти подход. И комплимент – самый короткий путь. Но надо чтобы он всегда был правдив, искренен и отмечал те хорошие качества, которые есть в человеке. Нельзя сказать полной женщине, что она худышка. Нельзя сказать кривоногой, что у нее стройные ноги. Женщина прекрасно осведомлена о своих недостатках. Но сказать, что у нее красивые туфли, брошка, серьги или маникюр, – можно. Нужно отмечать правдивые стороны. Для меня это обезоруживающее правило. Надо думать о том, на что можно обратить внимание. И что реально может составить предмет гордости. Это мост, который ты выстраиваешь с человеком. В каждом человеке есть что-то хорошее и доброе. Нужно только заметить...

«ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕБЫВАЮ В ОЖИДАНИИ ПРЕКРАСНОГО БУДУЩЕГО»

Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Запись из дневника Ладо Почхуа от 2013 года: «Моя персональная выставка в Национальной галерее. Маленький триумф незаметного человека. Я буду первым художником с персональной выставкой в этой галерее. Там только Пиросмани, Гудиашвили, Какабадзе... и я. От одной только этой мысли у меня трясутся поджилки. Я гоню страх. Убеждаю себя, что все хорошо, и работы хорошие, и экспозиция будет великолепная. Успокаиваю куратора Магду Гурули. Я притворяюсь. И буду притворяться до конца. В английском есть прекрасный оборот речи – «Poker Face», удачно описывающий состояние человека, скрывающего эмоции под фальшивым спокойствием».

Это пишет один из самых интересных и самобытных ав-

торов современности – проживающий в США грузинский писатель, художник и фотограф Ладо Почхуа. Его дебютный роман-воспоминание «Эники-Беники» о войне в Абхазии получил немецкую литературную награду «Idee der Einheit» («Идея единства»). Его работы путешествуют по выставкам в разных странах и заставляют людей задуматься. Но о Ладо Почхуа лучше не говорить – его надо слушать. И читать.

– Ладо, давайте познакомимся поближе. Вы родом из Абхазии, откуда вынуждены были бежать из-за войны. Расскажите о вашей семье. Кем были ваши родители?

– Я родился в Сухуми 8 января 1970 года. Иногда трудно поверить, что эта дата – другой век, другая эпоха, а география

– это страна (империя, на самом деле), которой больше не существует. Родился в семье, от которой ничего, кроме меня и трех альбомов с фотографиями, не осталось. Кстати, «бежать» – не совсем точное слово. Скорее, это был исход гражданского населения, после вероломного, с нарушением мирного договора, выигранной войны. Отец мой провел полжизни в армии хирургом, начальником госпиталя. С четвертого курса медицинского института его забрали в армию на войну, вручив диплом на год раньше. Он принимал участие в Сталинградской и Курской битвах. Я представляю объем работы для хирурга на полях самых больших битв в истории человечества. Со Вторым Украинским фронтом дошел до Вены. Завершив службу в конце 60-х, он вернулся в родной город уже взрослым человеком. Вернулся, подобно Рип ван Винклю, в совершенно незнакомую ему среду. В конечном итоге женился, обзавелся семьей и домом. Работал невропатологом, руководил городской Скорой помощью. Мама работала в музее. Историк по образованию, она возглавляла отдел советского периода – все от революции до последних съездов партии. Одним словом, все, что выставилось там, было ложью. Удивительно, что к работе мама относилась спокойно и в партию так никогда и не вступила.

– Каким вспоминаете свое детство?

– Детство осталось в памяти как череда образов, иногда всплывающих, подобно открыткам из прошлого. Вот бабушка ведет меня в детский сад. Вот отец покупает мне марки в филателистическом магазине. Вот мама торопит меня на урок английского и затем на тренировку по теннису. Иногда «всплывает» что-то неожиданное, приятное, волнующее: серебро моря в знойный полдень, толпы немецких или польских туристов на улицах города, чайки над причалом, корабль на горизонте, автобус «Икарус» с лицом красивой девочки в окне – изучающей меня, пальмы, набережную. А еще – смерть отца, смерть бабушки, похороны, траур, задер-

нутые шторы, горе в семье.

– Вы как-то упоминали, что, как Марк Шагал, родившийся в Витебской области в Беларуси, не захотел вернуться и увидеть историческую родину, так и вы в родной Сухуми не вернетесь. По вашим словам, там уже нет вашего дома, родных, друзей, все чужое и незнакомое, однако город при этом всегда останется в вашей памяти. Сейчас вы так же думаете?

– В Сухуми я уже никогда не вернусь. Сухуми моих дней – воспоминание и повод для создания текстов. Хотя мой дом стоит, в самом центре, всегда на всех главных открытках с изображениями города. Я ничего при виде фотографий этого сталинского капитального дома не испытываю. Видимо, запретил себе переживать и горевать. Однако идея написать роман «Эники-Беники» возникла из желания сохранить в памяти ТОТ город, тревожащий память своими сиреневыми тенями под олеандрами и темными силуэтами пальм на сумеречном небе. Бухта-амфитеатр, музей с античными вазами и мраморной стелой V века до нашей эры. Окраина Колхиды, место из греческой мифологии. Казалось, сама история оживает в этих краях, стоит лишь захотеть, представить невозможное, спустить с цепи прикованное современностью, словно волкодав к столбу, изображение. Город, никак не вписывающийся в советскую матрицу. Город, в котором в 80-е производили «Пепси» и «Мальборо», в котором на набережной можно было лакомиться итальянским мороженым и турецким кофе. Город напряженного счастья. Тяжелый город, ослепленный солнцем летом и исхлестанный дождями зимой. В прошлом году я написал текст о Сухуми для знаменитого архитектурного журнала «Домус». Вот небольшой фрагмент о памяти, меланхолии и ностальгии:

«Итак – в квартире – герметичный мир вещей. Тени. Прохлада. Но стоило выйти на прогулку, устроиться на лавочке, как я оказывался обласкан солнцем. Каждый сухумец жил в этом контрасте между тенями

и обжигающей жарой, ослепляющим светом. Щуря глаза, я постигал, словно в первый раз, родную провинцию у моря, в которой мне повезло родиться... родную окраину Третьего Рима, умноженную на прокламацию всеобщего равенства трудящихся. Несмотря на бесценную и скучную власть, Сухуми был счастливым – так как город, имеющий в своем распоряжении набережную, окончательно несчастным быть не может. Там, где вода встречается с берегом, всегда пир для глаз и успокоение для души».

Или вот еще:

«Забросив меня в Нью-Йорк, судьба обеспечила мне драматичный разрыв архитектурных масштабов между городом, в котором я рос и постигал жизнь, и городом, в котором я теперь воспитываю своих детей. В Нью-Йорке много зданий, построенных архитекторами-звездами. Здания – знаменитости. Парки – знаменитости. Мосты – знаменитости. А вот сухумские творцы – анонимны. Нужно поднимать архивы, чтоб узнать имена зодчих. Сухуми – город белой архитектуры, выстроенной на фоне изумрудной зелени и ультрамаринового неба. Город, который сам диктует языку, как его описывать... В Сухуми все – манеры, идеи, устройство города, мода, музыка, льющаяся из динамиков прогулочных катеров – было вечным и казалось бессменным. Даже застывшая обезьянка на плече городского фотографа выглядела, как скульптура на века. Война разнесет этот мир на осколки. Вместо стабильности – каркас из зданий и гримаса на лице обожженного трупа. Мы, к счастью, не знали о грядущем ужасе, не имея возможности его представить».

– Ладо, вы поклонник искусства, в особенности, визуального. Когда и кто сподвиг вас стать художником и фотографом?

– Художником я хотел быть с детства. Меня всегда привлекала тайна материалов. Шершавая акварельная бумага, запах темперной краски, карандаши, произведенные в дальних краях. Все это казалось полным смысла и обещания прекрасно-

го будущего. Мать моя обладала необыкновенным талантом, но развить его не смогла, так как в городе во время ее молодости не было художественного училища. Осталась с овдовевшим отцом в Сухуми («Не могла же я его оставить?» – всегда говорила она) и поступила на исторический факультет института. Мама всегда обращала внимание на мои занятия искусством. В восьмилетнем возрасте я поступил в сухумскую художественную школу, сдав экзамены на «отлично». С этого момента все стало серьезно – рисунок, живопись, лепка, история искусства. Стоит мне немного напрячься, и я слышу голос учительницы истории искусства, строгой, с большими очками, слегка презирующей провинциальных нас, детей, из которых, скорее всего, ничего не получится: «А это, дети, Микенские ворота, самое начало начал цивилизации».

В нашем доме жили своей собственной жизнью по углам и кладовкам – краски, бумага, холсты, альбомы по искусству. Сколько я помню себя, мама всегда рисовала. Она с удовольствием копировала натюрморты Кончаловского, которого очень любила, японские гравюры и затем раздаривала своим подругам. Старалась понять процесс. У меня ничего от этого не сохранилось, к сожалению. Фотографией я занялся тоже в детстве. Фотографировал, проявлял, печатал. Первая камера была «Смена-символ», купленная мне в подарок. Фотография – это магия. Пленка, рулон с закодированной информацией – двор, лица друзей, моя собака Микки, мать на причале в Сухуми – вдруг с помощью химикатов превращался в негатив, длинный свиток с 36-ю кадрами. Затем печать. Ванночки с проявителем, закрепителем, бумага «Бромпортрет», колдовство вокруг увеличителя, под красным светом. И чудо! Вдруг все, что было снято, медленно воплощается на бумаге, словно из тумана небытия появляются знакомые места, черты. Эта детская любовь к фотографии продолжится и в беженстве. Уже в Тбилиси я куплю на бло-

шином рынке камеру «Зенит» и просроченные пленки, чтобы сфотографировать новый, непривычный мир вокруг. Хроника тех лет превратится в выставку в Национальной галерее Грузии – «Анатомия грузинской меланхолии». К вещам, напроочь исчезнувшим из моей жизни, – зеленка, спички, бобины, членская книжка ДОСААФ, сигареты, кассеты – должна была присоединиться и фотопленка. Но этого не случилось. И слава богу! Пленку я использую регулярно, беру с собой в каждую поездку. Часто копаюсь в фотоархиве. Сотни проявленных и забытых пленок. Разгребаю завалы, не спеша...

– В Тбилиси вы поступили в Академию художеств, поселившись в Цхнети, в таком заснеженном поселке... Как вы вспоминаете тот тяжелый 1993-й? Ностальгируете, пытаетесь забыть, как плохой сон? Вас тогда спасало чтение книг...

– Это сложный вопрос, на который просто не ответить. Об этом я пишу (черновик почти готов) книгу «Анатомия грузинской меланхолии». О темных 90-х, о начале беженской жизни, о молодости. Какое это было время? На днях я прочел (вернее проглотил за один присест) книгу Варлама Шаламова «Очерки преступного мира», где дается полный и точный анализ воровского мира. Цинизм и жестокость Джабы Иоселиани: это цинизм и жестокость, полученные им в наследство от поколений бластных, выработавших законы и правила поведения, о которых простым людям лучше и вовсе не знать. Бедность. Темнота. Холод. Полная разруха. Вот что я помню о том времени, над которым, подобно гриму Джокера, размазалась улыбка Джабы... Спустя десятилетия, вспоминая те годы, я вижу циников, где-то в тумане из наслоений времени – Шеварднадзе, Джаба Иоселиани, Сигуа – словно провинившиеся дети улыбаются. Но улыбки эти также говорят нам, рассматривающим кино- и телехронику, о том, что это звездный час временщиков. Бенефис. Короткий миг славы, который закончится настоящим фиаско для страны. Контрастом

к этим полуулыбкам. Шеварднадзе в парламенте, Джаба среди головорезов, Китовани с оружием. Совершенно серьезные лица Звиада Гамсахурдия и Мераба Костава. Контраст. Трагический...

Я ушел во внутреннюю эмиграцию и занимался исключительно своим развитием. Читал. Рисовал. Поступил в Академию художеств. Беженцы тогда казались инородным телом в Тбилиси, а я был «белой вороной» и среди них. Вы правы, меня спасли книги и музыка. Я первым делом купил за гроши проигрыватель и несколько пластинок. Помню, заслушал до дыр альбом Treasure группы Cocteau Twins. Знал наизусть. Самое интересное, это то, что Cocteau Twins используют несурьезные наборы звуков, голубиный язык. Красивая бессмыслица от этих шотландцев значила очень много для меня. Звучало это вот так: «предо, пра-да-да-дии, пип-хол, пич блоу, пандора, помпадур». И я читал все, что попадется. В подвале Дома художников в Цхнети, где я получил одну комнату с прогнозной кроватью и выбитыми окнами, я нашел целый клад – журналы «Иностранная литература» начала 80-х и несколько номеров за 1992-й год. Читал все это от корки до корки. Дюрренматт, средневековая китайская поэзия, Богумил Грабал, Борхес, Роберт Музиль, Милан Кундера, Джордж Оруэлл, Кадзуо Исигуро – абсолютное счастье. Настоящее везение впервые за несколько лет.

Не имея гроша на автобус из Цхнети до Тбилиси, я бегал в город каждое утро. Старался не опоздать на лекции. Самая середина этого маршрута – огромный дом Зураба Церетели за помпезными воротами. И всегда ответом на мои утренние шаги, эхом разносившимся по округе, был лай страшных собак, овчарок. Я знал, что эти собаки с удовольствием разорвут меня на части. Над домом возвышался истукан – темный, адский. «Вот он – я, художник, и все же собаки другого художника разорвут меня на части вмиг, даже не сомневаясь», – думал я. Тогда же я понял, что мера

таланта и материальное положение никак между собой не связаны.

Я помню купоны вместо денег, сигареты «80», которые курил пачками в день, помню клипы Иракли Чарквиани на экране соседского черно-белого телевизора, автоматчиков на улицах Тбилиси, беспорядок, отсутствие годами электроэнергии, тепла, еды, медицинского обслуживания, очереди за хлебом, ментов, дергающих пассажиров на станции метро Руставели. Вот фрагмент (из книги, находящейся в процессе редактирования) о Тбилиси 1992 года, года нашего поражения в Абхазии:

«Тбилиси был погружен в осень. Беда, война, потери, поражения, слезы и блаженство от янтарного света и воздуха пропитанного вином. Контраст потрясал. Иногда на небе появлялись редкие тучки, закрывая собой солнце и лишая асфальт теней на пару мгновений. Тучки эти предвещали наступающие холода. Первые вестники зимы. Я знал, что вслед за ними придут серые, свинцовые, тяжелые и страшные. Полные влаги и холода. Я бродил с утра до вечера по пыльным улицам, изучая город.

Сухой, пестрый, говорливый, шумный, Тбилиси оказался странным местом, которое мне никак не удавалось расшифровать. Волчий оскал и «калашников» наперевес. Я не обращал внимания на автоматчиков, милицию, вооруженных негодяев всех мастей. Ко всему этому я привык в Сухуми. Я рассматривал дома, изучал ковку балконов, исходил вдоль и поперек проспекты.

«Откуда ты, братишка?»

Новый, непривычный акцент бьет наотмашь, словно пощечина.

«Из Сухуми...»

«Оооо... Даже не знаю, что сказать. Трагедия. На... Хочешь курева, братишка?»

В руке пачка сигарет «Прима».

«Да, хочу...»

«Что будешь делать?»

Меня изучают. Измеряют мое человеческое достоинство.

«Жить... Буде жить ...»

«Ну, удачи... Удачи ...»

– В книге «Эники-Беники», которую вы писали семь лет, вы рассказываете о Сухуми и Тбилиси, об ужасной войне, детстве, первой любви и самых значимых для вас событиях. Можете вспомнить момент: когда вы решили ее написать?

– Исаак Башевис Зингер – один из самых любимых моих писателей. И желание писать пришло ко мне во время чтения романа «Шоша». Тогда предо мной предстал мир польских евреев, давным-давно исчезнувший в топке XX века. Зингер писал на идиш – языке отмирающем, связанном с местом, местечком, географией. Гений! «Вот бы Сухуми так описать», – подумал я и тут же задал себе вопрос: но как? Зингер – лауреат Нобелевской премии, а я кто? Никто. И тогда я решил серьезно учиться ремеслу.

– Вы говорили, что война – пока одна из ключевых для вас тем, и, возможно, когда вы ее «выжмете», то будете писать о другом.

– Я недавно начал рассказ, в котором действие происходит в окопах у реки Гумиста, там проходил фронт в 1992-м. Так что тему пока не «выжал» до конца. Но пишу сейчас и роман не о войне.

– О чем он?

– О грузинских иммигрантах в Америке, о вторых шансах, о жизни, о театре. Посмотрим, что из этого получится. Впереди много возни со всем этим шумным мирком.

– Как вы оказались в Нью-Йорке? Я знаю, что позже вы переехали в тихий городок – Итаку. По вашим фотографиям кажется, что это райское местечко. Почему вы его выбрали?

– Я женился на американке. И мы начали свое долгое путешествие. Жили в Грузии, в Америке, в Европе, снова в Америке. Нью-Йорк выбрал нас. Это величайший город, в котором я получил невероятные знания о мире, о людях, о себе. В Нью-Йорке у нас родились дети. А затем захотелось все поменять – и поменяли. Теперь живем в городке, в котором Набоков написал свою «Лолиту» и где расположен величай-

ший Корнельский университет. Наши дети растут на воле, не стесненные толпами, громадами архитектурных излишеств, шумом и гвалтом мегаполиса. – Чем вы сейчас занимаетесь? Что делаете для души, а что – для жизни?

– Пишу два романа. Рассказы – для себя в стол, пока не зная, где их издать. В Итаке я занялся мозаичной скульптурой. Новый для меня опыт. Я учился скульптуре в нью-йоркской The Art Students League и теперь использую полученные знания. Занимаюсь скульптурой, преподаю рисование и живопись. Рисую, печатаю графику и собираю ее в альбомы. Готовлю книгу художника под названием «Зимние сутры» для того, чтоб самому издать ее маленьким тиражом. Мечтаю издать «Эники-Беники» на русском. Много сухумских грузин растят новые поколения в России, книга бы прижилась, была бы читаема и любима. Родительствую, воспитываю детей – спорт сына и искусство дочери. Пеку торты и разные вкусности, за которые люди охотно платят деньги. Кулинария для меня не хобби, а, скорее, работа, которую я обожаю. Я продаю свои торты в лучшей кондитерской города. Читаю. Я очень занятой человек. Не отдыхаю и, слава богу, не устаю. Отдохну на том свете, куда я, правда, не спешу. Да, еще я стараюсь сохранить хорошую физическую форму.

– Вы хорошо владеете английским? Знаете ли другие языки?

– Да, я владею английским. Знаю три языка с различными алфавитами. Хотелось бы выучить итальянский, любви ради. Почему итальянский? Я помню, как пламя воображения в начале жизни, рисовало мне рай... Всегда – зеленые холмы, выкрашенный светлой охрой дом, заполненный книгами, картинами и растениями, прозрачное светлое вино, красивая посуда, пастушья собака, прыгающая от радости при виде хозяев. Позже, побывав в Италии, я понял, что мне всегда в моих подростковых озарениях мерещилась Италия. Кусочек Италии. Фрагмент. Осколок. Оказалось, Италию можно, лелея, носить в

себе, жить в ней совсем не обязательно. Английский для меня – портал в загадочный мир. Этот язык я очень люблю. Он богат, так как включает в себя два языка – англо-саксонский и французский, обогативший английский после завоевания Альбиона норманнами. Английский – это сначала скучные детские уроки. «What's your name? My name is Lado». Учительница в крошечном, аккуратном сухумском домике (характерная архитектура юга Российской империи) у теннисных кортов, которой мать платила невероятные для 1976 года деньги – тридцать рублей в месяц. Но затем, через пару лет после мучения с «My name is Lado. What's your name?», я услышал «Роллинг Стоунз» и был абсолютно покорен. Тбилисская фирма грамзаписи «Мелодия» выпускала гибкие, синего цвета пластинки-миньоны – на одной стороне местные группы типа «Иверии» или «ВИА-75», а на второй – Stones, The Beatles, Queen. Ничего подобного по звучанию в нашем мире не существовало. Все, что было доступно, я ненавидел – скучнейшие, страшно выглядящие Песняры, Верасы и так далее. И вдруг: «Нарисуй это черным» от «Стоунз». Я понял, что английский надо учить, так как язык этот откроет мне целый мир – непокорности, бунта, протеста. То, что вместе со «Стоунз» заполняло комнату плотным, необычным звуком с помощью радиолы «Рига», тревожило своей непохожестью. И еще чем-то, чего десятилетний я тогда знать не мог – это было сексапильностью, в советской эстраде напрочь отсутствующей.

– В соцсетях вы нечасто, но все же показываете своих детей. У вас прекрасные сын, дочь, супруга. Расскажите о них.

– Дети мои совершенно не похожи друг на друга. Мы вообще семья, состоящая из четырех персонажей с сильными характерами. Но сосуществуем прекрасно. Десятилетний сын – спортсмен, футболист и ярый читатель книг. Проглатывает по три-четыре романа в неделю. У него быстрый мозг, он активен, учится без напряжения, все дается

ему легко. Я переживаю, сможет ли он работать над чем-то, что не будет даваться так легко? Учю его терпению. Мы часто путешествуем с ним по футбольным турнирам, длинные поездки, гостиницы, кровь, пот и слезы. Он нападающий в очень хорошей команде, которая выступает на самом высоком уровне для детей этого возраста. Я решил – пусть играет, пока это доставляет ему удовольствие. Семилетняя дочь очень социальна, везде у нее друзья, стоит нам выйти на детскую площадку, как тут же она мило играет с другими малышами, превращая их в приятелей. Очень способна в рисовании и лепке. Иногда творит настоящие чудеса. С женой, Элизабет, я познакомился в Тбилиси. Она жила год по программе Фулбрайт в Грузии. Двадцать лет вместе. Мне очень повезло.

– *Вы считаете себя хорошим отцом? Умеете наслаждаться отцовством?*

– Я хороший отец. Даже, можно сказать, замечательный. Мне нравится воспитывать своих детей, показывать им мир, не давить, не переучивать. Я познал себя, став родителем. Мне кажется, это очень важный момент отцовства. Теперь я знаю все свои сильные стороны. Главная – терпение. До появления в моей жизни детей, я почти что забыл начало моей жизни – с переживаниями по пустякам, с тошнотой от комка мерзкой манной каши, усталостью и скукой в школе. Мне казалось, что я забыл болезни, которыми болел, и игрушки, которыми играл. Теперь же, наблюдая за тем, как мои чада спят, резвятся с друзьями, общаются, занимаются спортом, прошлое медленно становится контрастным, живым, осязаемым. Я начинаю видеть минувшее. Мне это совсем нетрудно. С любопытством подглядывая за их возней с книжками, игрушками, я представляю себе моего отца и мать, делавших то же самое, изучавших меня.

– *Вы жили в Грузии, Азербайджане, Венгрии и сейчас в США. Где вы больше всего чувствовали себя на своем месте?*

– Нигде. Я везде чужой. Могу

сказать – я люблю Нью-Йорк или Тбилиси, но я все же не свой в этих местах. Я «свой» – среди специфического сухумского люда. Когда я вижу своих, даже речь меняется. На английском это называется code-switching. Тут же появляется этот шипящий акцент на русском, этот сленг, другое поведение, больше мата и театральной нелюбви к людям. Появляются фразы «Васса, эта чувиха оказалась маханей Зурова, какое палево, прикинь?» или «Васса, а фуцан-фраерюга так и не въехал, что его накололи». Вот это, когда я дома, когда я полностью «свой». Я могу прочесть лекцию о грузинском авангарде на английском языке в Колумбийском университете, а затем встретить родного сухумца моего поколения – и пошло-поехало на сленге и матом. И это есть счастье, которое, к сожалению, случается со мной редко. Нас не так уж и много, настоящих сухумцев. И может я «не свой» здесь, но дары Америки все же велики. Английский язык, высокие небо, фермы вдоль трасс, джаз, океаны, джинсы, Нью-Йорк, новые книги, старые пластинки, блюз, Бостон, озера, Чикаго, рок-н-ролл, реки, завтраки, ужины с друзьями, калифорнийское вино, семейная жизнь. Список длинный.

– *После переезда в Америку вы не раз бывали в Грузии. Страна меняется?*

– Меняется, оставаясь по-прежнему приятной, слегка старомодной и теплой. Я приезжал с выставками, приезжал за премией, полученной за роман «Эники-Беники», бывал и просто так. Грузию люблю. Особенно, Тбилиси. Этот город излишне добр ко мне.

– *В одном интервью вы говорили, что, когда пишете, становитесь лучше, чем на самом деле. Очень тонкое, интересное наблюдение. Как считаете, почему так происходит?*

– Когда пишешь, невольно себя (и текст) редактируешь. Особо, конечно, увлекаться не стоит. Преувеличивать и врать нельзя, так как читатель все чувствует. Но можно поступкам, описываемым в рассказе или повести, придать благожелательный от-

тенок. Слово ведь мощнейшее оружие. Даже в этом интервью я написал несколько острых фраз. А затем все это убрал. А в общении я все это бы пробормотал и тут же нажил бы себе врагов. Внутренний «я» гораздо толерантнее, терпимее. Вот бы совместить в одно целое себя, обитающего во времени и пространстве (то есть, себя социального), с тем, кто живет внутри меня. Внутренний «я» гораздо тоньше, интереснее.

– *Опишите ваш рабочий процесс: как вы пишете?*

– Я работаю в несколько этапов. Сначала чирканье в блокноте. Поиски диалогов, имен, описываемых мест. Рисунки, зарисовки, коллажи. Второй этап – все это переносится в компьютер. Я никогда не редактирую переносимый текст, так как это останавливает поток мыслей (слов), необходимый для создания «первого черновика», который, с подачи писательницы Энн Ламотт, я называю Shitty First Draft. Затем третий этап – когда критическая масса готова (пишу по 300 слов в день), я распечатаю будущее эссе или рассказ на бумагу и начинаю правку. Этап четвертый – я записываю свой текст, уже отредактированный и распечатанный, на небольшой магнитофон и слушаю себя. Звук позволяет услышать все ошибки, тавтологии и несуразности. Этап пятый – если текст большой, скажем, роман, то я включаю распечатанный и отредактированный текст в большую «амбарную» тетрадь, создаю макет. И затем повторяю предыдущие этапы редактирования. Создание текстов – это на 70 процентов редактирование. Но все это время история, ставшая причиной для работы над текстом, живет во мне, растет, улучшается, вибрирует, обрывает подробности. То есть, я всегда пишу.

– *У вас есть любимая обстановка, где вы пишете, какие-то атрибуты, музыка?*

– Записывать в блокнот (самое начало работы) лучше всего у меня получается в кафе, с толпой и громкой музыкой. Есть несколько облюбованных мной заведений в Итаке, где я рабо-

таю по утрам. Все остальное делаю дома. Я не люблю джаз. Но когда пишу, в основном, слушаю Майлза, Колтрейна, Паркера, Мингуса. Джаз и черный чай. Почему, не знаю.

– Если я не ошибаюсь, вы увлекаетесь бегом. Какое он дает вам ощущение?

– Я бегал, живя в Венгрии в 2006-2009. Каждый день – три километра на резиновой дорожке на острове Маргит. Обожаю бег. Он помогает собраться с мыслями, с планированием будущих дней, организует меня. Но сейчас не бегаю. Я гуляю по околотку и слушаю аудиокниги. Я джоггер, вышедший на пенсию.

– Арена сфер искусства, которыми вы увлекаетесь, просто поражает: как можно стольким одновременно заниматься? Вас не посещают периоды творческой апатии, некой усталости или, может, даже разочарования?

– К счастью, меня никогда такие периоды не посещают. Я думал об этом, задавался вопросом, почему? И мне кажется, нашел ответ: я очень неудачливый человек, для меня все происходит очень тяжело, любой маленький успех стоит колоссальных усилий. Т.е. я по-прежнему пребываю в ожидании прекрасного будущего – выставок, книг, лекций. Это «будущее», скорее всего, морковка, повешенная перед носом ишака – невоплотимая, ускользающая мечта. Поэтому я постоянно работаю.

– Дружите ли вы со своими коллегами по перу, по изобразительному искусству?

– Дружу с Георгием Шенгелия, прекрасным художником, живущим в Голландии, мы вместе учились в Академии и поддерживаем отношения. Писателей я выношу лучше, чем художников. Мне хочется верить, что замечательные Анна Кордзая-Самадшвили и Лаша Бакрадзе – мои друзья. Еще Мамука Берика – друг, проверенный временем.

– У вас есть универсальный совет для начинающих писателей и художников?

– Художнику – будь упорным. Работай каждый день. Научись основам ремесла. Ищи контак-

ты. Будь приятен и общителен. Будь здоров. Чтоб заниматься искусством, нужна энергия на долгие годы. Как говорил Леонардо: «Хорошо прожитая жизнь длинна». А писатель должен помнить слова Святого Августина о римском интеллектуале Марке Теренции Варроне: «Он так много читал, что казалось, у него нет времени писать. Он так много писал, что казалось, он совсем не читает».

– Если вы не против, напоследок – небольшой блиц.

– С удовольствием!

– Ваш любимый художник?

– Из грузинских – Дамиане и Бека Опизари. Это великое искусство. Диалог с Римом, Византией. Самый любимый художник – Леонардо.

– А любимый писатель?

– Джойс. Правда, загадку «Поминок по Финнегану» я не разгадаю никогда. Иногда читаю фрагменты этого текста вслух. Это подобно музыке далекой цивилизации.

– Больше доверяете разуму или сердцу?

– Раньше – сердцу, сегодня, слава богу, – разуму.

– Любимое блюдо?

– Вареное мясо. Большой кусок с солью и аджикой, как на абхазской деревенской свадьбе древних (70-80-е годы прошлого века) времен.

– Что делаете, когда есть пара свободных часов?

– Читаю, слушаю аудиокниги... Но в целом у меня нет свободного времени.

– Можно ли любить одного своего ребенка больше другого?

– Наверно. Все в этой жизни возможно. Но я люблю моих детей безоговорочно и навсегда.

– Вы часто разговариваете с собой в уме?

– Всегда. В основном, матом. Я виртуоз этого дела.

– Какое искусство самое сильное?

– Для меня – литература. Джойс залез (покорил, показал другим) в самый центр человеческого существования со своим потоком сознания, вставил микрофон в мозг. Ни одно другое искусство на подобное не способно. Когда кинематограф пробует это, то в самом нача-

ле (до фильма) – текст, автор, писатель.

– Знаменитая личность, с которой вы бы хотели познакомиться, из ушедших или ныне живущих?

– Если уж мечтать, то хотелось бы увидеть Рафаэля, расписывающего «Станца делла Сеньятура» в Ватикане, или Набокова, читающего лекции в Корнельском университете. Почему Набокова? Люблю, вот, например: «...скромный старик, который не ел, а кушал». Какая великая фраза. Семь слов – и все ясно.

– Самое страшное зло на Земле?

– Невежество, глупость...

– Вы верите в жизнь после смерти?

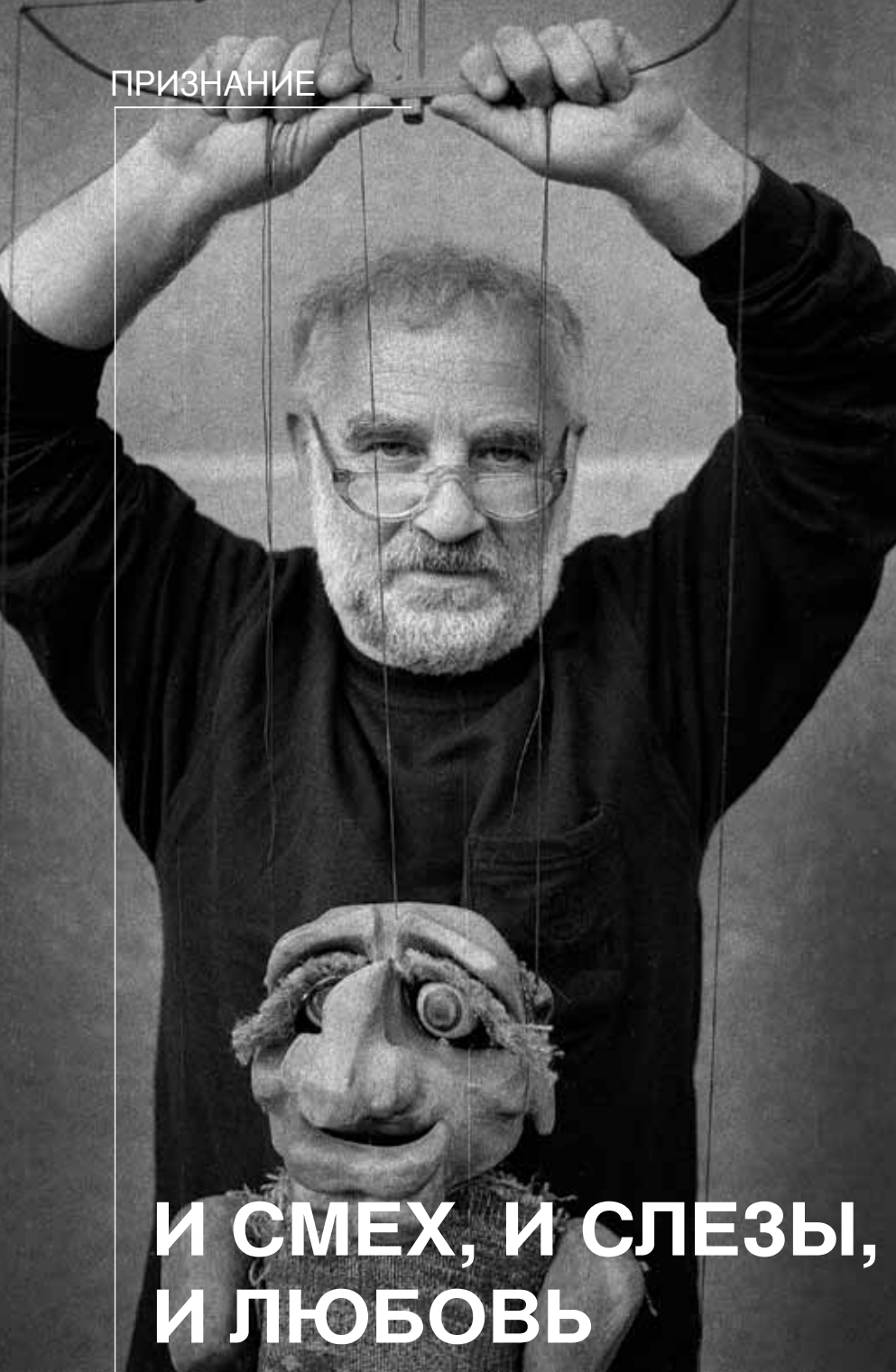
– Да, пользуясь советом Блеза Паскаля о вере (и в конечном итоге – о загробной жизни): «Если ваша религия ложна, вы ничем не рискуете, считая ее истинной; если она истинна, вы рискуете всем, считая ее ложной».

– В чем смысл жизни?

– В борьбе.

– Вы счастливый человек?

– Нет, но я работаю над этим. Приближая ускользающее каждый день счастье.

И СМЕХ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ

■ **Анаида ГАЛУСТЯН**

Фото **Юрия МЕЧИТОВА**

30 лет назад на сцене Тбилисского государственного армянского драматического театра имени Петроса Адамяна состоялся необычный спектакль по мотивам сказки Ованеса Туманяна «Кач Назар» («Храбрый Назар»). Режиссером-постановщиком и автором инсценировки спектакля стал художник театра Армен Баяндурян. А необычность была в актерах: все роли исполняли куклы-марионетки, созданные Гари Давтяном. Они играли на сцене, а актеры театра их озвучивали. Это событие можно считать днем рождения Театра Давтянов...

Тридцатилетний юбилей отметили показом фильма «Дом, где рождаются сказки» о Гари, о его кропотливой работе в мастерской над каждой деталью куклы, о семье – главном стимуле и поддержке, о Доме – театре в одном из старых уголков города, где время как бы остановилось и перетекло в свет, музыку и другое измерение... Надо сказать, что этот день – 3 сентября не только день рож-

дения театра, но и самого Гари. Как-то он напророчил: «Меня не будет, а этот день останется, и вы будете его отмечать». Каждый год 3 сентября в семье Давтянов – день открытых дверей, и каждый желающий может прийти, наполниться целительной атмосферой, которую почувствует по-своему, и обязательно найдет ответы на свои вопросы.

Показ фильма состоялся в уютном кинотеатре Национального архива Грузии, а создали ленту режиссер, сценарист Гарри Кунцев и его сын, оператор Вахтанг Кунцев-Габашвили.

Однажды в тяжелые 90-е встретились два творческих человека, Гарри Кунцев и Гари (Гарегин) Давтян, и подружились, духовно наполняя друг друга, даже спасаясь этим общением, ведь то было время разрушения всего – всех ценностей и привычной жизни. Из дружбы родилась идея создания фильма. Был 2000 год, сценарий победил на конкурсе документальных фильмов, объявленном Интерьюс, получил финансирование, аппаратуру, отец вызвал сына из Германии, где тот учился, и попросил возглавить съемку, что стало необычным опытом для начинающего оператора. «Нас учили, что камера должна смотреть в глаза человека, которого снимаешь, – признается Вахтанг. – Эти куклы оказались живыми маленькими человечками, у них были характеры, мимика, передающая мысли и эмоции, и это выглядело потрясающе. Я лежал на полу и снимал, снимал и удивлялся...»

В то время свет все еще подавался по графику и, если его не было, съемки продолжались под грохот генератора. Главная мысль фильма – переживания семьи и всех кукол при прощании с уезжающей куклой Шекспиром. Шекспир действительно незадолго до съемок уехал в Армению, а в доме остался «дублер». «Грустный фильм», – сказал Гари после просмотра отснятого материала. А очень скоро его не стало. Ему было всего 55. Остались неосуществленные идеи, эскизы, композиции, мечты... Обо всем этом очень трогательно рассказала на вечере внучка Гари – Александра

Вахтанг Кунцев-Габашвили, Гога и Александра Давтян

Давтян, маленькая хранительница большого, очень доброго и глубокого наследия любимого дедушки. Слушая ее, хотелось верить, что человечеству есть за что уцепиться, и – уцелеть. И что добро обязательно победит...

Гари учился в Ереване на факультете механики и машиностроения. Еще в школе ходил в художественную мастерскую на тбилисском Винном подъеме. Потом рисовал афиши и работал оформителем в кинотеатре «Исани», открыл мастерскую на Московском проспекте, стал заниматься чеканкой, ювелирным делом. В 1969 году в Пловдиве проходила Всемирная выставка моды. СССР представляла Грузия. И все, что касалось фурнитуры для одежды – серебряные пояса, украшения и т.д. – было поручено Гари. Он создавал и костюмы, сделал два платья для певицы Гиули Чохели, одно – покрытое орнаментом в виде театральных масок, второе – белое, в серебряных монетках.

А однажды он сделал серебряное блюдо весом 1700 граммов для... приехавшего в Тбилиси Леонида Брежнева. Для этого из Москвы доставили листовое серебро, топазы, сапфиры, александриты, опалы.

Работы Давтяна побывали и на этнографической выставке в Париже. Туда должен был поехать и он сам, но в последний момент его не выпустили. Французские армяне определили национальность автора по подписям на армянском и рассказали об этом в газете. После этого

Гари запретили подписывать свои работы. В 1983-84 годах, после того, как на него произвела большое впечатление американская выставка пластмассы, он прекратил заниматься чеканкой и стал пробовать пластиковые материалы. Первая такая работа – блюдо, покрытое пластиковыми материалами, смешанными на основе эпоксидной смолы. Получилось наподобие пергородчатой эмали.

Затем Гари создавал необычные пуговицы и бижутерию, его работы разъехались по всему Советскому Союзу, но в то время далеко не всегда соблюдалось авторское право... Как-то его позвали поработать в Министерстве культуры и охраны

Гари Давтян

памятников Грузии, где он познакомился с членом Союза художников СССР, Заслуженным деятелем искусств Грузии, академиком Давидом Цицишвили, многогранным человеком, большим специалистом по керамике, коврам и даже кулинарии. Он читал лекции по композиции в Академии художеств, и однажды Гари сказал ему: «Я хочу ходить к вам на композицию». «За чем тебе? – удивился академик, – ты сам – композиция!»

В Службе охраны памятников работали женщины, создававшие кукол в национальных одеждах. И Гари с женой Жанной тоже стали делать кукол в костюмах всех этносов многонационального Тбилиси. Тогда он впервые прикоснулся к куклам... Но до них попробовал и стекло – работал с витражами.

Как-то Гари проснулся и сказал: «Грядет тяжелое время, пора делать праздник». И скоро появилась первая кукла – Гриша. «Родился он боцманом, – смеется Жанна, – очень трогательный, застенчивый, ценитель женской красоты. В нем было что-то от Гари».

Все первые куклы родились в глубоком подвале, который арендовали у знакомых. Там же появились один за другим герои будущего спектакля. Дело было так. В голодном и холодном 92-м году Гари подумал о «Капле меда» Туманяна. Возникла необходимость своего простран-

ства – мастерской. Они с Жанной ходили по Авлабару и нашли это чудесное место, ставшее сначала мастерской, а затем и театром, и домом. «Мы всю ночь просидели на тахте, и я убедила его остановиться на «Кач Назаре», потому что это было время Кач Назаров, – говорит Жанна. – «Кач Назар» у нас немного странный, не совсем по Туманяну. Фактически все персонажи спектакля хотят занять место на троне. И Назар пытается, но как-то не особенно, в итоге трон занимает осел. Но и он долго не усидит, скатится и, в конце концов, трон вылетает к зрителям, я произношу: «Ко-нееец!» и все выходят на поклон...»

Она, как профессиональный музыкант, подбирала музыку для каждого персонажа. Герои общаются со зрителями через мелодию, передают свои мысли, чувства, эмоции – ведь спектакли не текстовые. Тематика всех спектаклей такая: любовь и радость. Есть ли отрицательные герои? Нет. «Недобрых кукол не бывает», – это слова Гари, и это единственный текст, который говорит персонаж Мастер: «Я в каждой кукле, но в этой меня

больше всего. Время меняет нас одинаково. Недобрых кукол не бывает. Расставаться грустно».

«Как мы научились водить кукол? Приходили после лекций, все бросали, папа давал нам их в руки и говорил: «Работайте!», мы их брали за веревки, вытягивали вперед руки и часами водили, – вспоминает дочь Анна. – Нас было четверо на маленькой сцене, которая складывалась и раскладывалась, помещалась в контейнер вместе с осветительными предметами. Не спрашивай, как мы умещались! Куклы должны были передвигаться по сцене, переходить с места на место, мы каким-то образом перемещались друг через друга – это были такие трюки! И нас не должно было быть видно. Иногда на сцене было больше 4-х кукол». Так и выступили в первый раз. Кстати, все оборудование сцены, освещение – тоже дело рук Гари.

После «Кач Назара» ему предложили еще ставить спектакли, но он отказался: «Что, похоронить в спектакле всех кукол? Каждая из них – это маленький спектакль».

Поначалу я не могла понять, как можно было научиться оживать кукол, наделять их характерами, всеми человеческими качествами, индивидуальностью, заставить людей верить им, принимать, узнавать, сопереживать. Но потом поняла! Когда твой ребенок становится на ножки и делает первые шаги, ты всегда рядом, бережешь его, поддерживаешь, радуешься, и у тебя нет сомнения, нет мысли, что у него не получится ходить. Так и у Давтянов: они принимали каждую новую родившуюся куклу, как своего ребенка – сердцем, и она становилась частью их жизни и их самих. «Кукла – это сложная движущаяся скульптура, для нее нужны особенные любовь и обращение, иначе она не родится, и оркестр не будет звучать», – говорил Гари. Куклы отвечали благодарностью и выкладывались на сцене изо всех сил. «Они всегда хорошо работали. Но, знаете, они могут и молчать, если у них нет настроения или кто-то не нравится, не играть, не показать себя – это правда!» – говорит Жанна, и я верю.

У Гари была идея поехать в Ереван, в дом Параджанова с подготовленным представлением. Не успел. После его ухода семья решила осуществить это желание. Стоял 2002 год. «Основатель и директор музея Завен Саргсян был знаком с Гари, но не с нами, не имел представления, как мы работаем, но он нас принял, так как знал о желании Гари, – вспоминает Жанна. – Мы приехали в Ереван с ящиками и чемоданами; когда я увидела экспозицию музея мне стало страшно: как устанавливать сцену, ставить фотографии Гари напротив фотографий Параджанова, как создать гармонию? Достали кукол, до трех часов ночи под одну и ту же музыку из спектакля устанавливали, примеряли, привыкали, работали, работали... Утром приехал Завен и ахнул – так гармонично все получилось. Было много зрителей, провели 5 вечеров, и Завен сказал: «Ты знаешь сколько человек у тебя побывало? Около 400!». Еще мы ездили в село Дсех на туманяновские фестивали. Потом нас пригласили в очень интересный центр художников «Нарекаци» в Ереване. Мы провели несколько уютных вечеров, показали наши представления. Когда ехали на минивэне, впереди сидели куклы, а я – сзади, и всю дорогу донимала водителя просьбами, чтобы осторожнее ехал... Главное, что мы осуществили мечту Гари – выступить у Параджанова».

А однажды герои «Кач Назара» заговорили по-французски. Это произошло в знак уважения к актеру Пьеру Ришару, который в середине 90-х снимался в Тбилиси в фильме Наны Джорджадзе «1001 рецепт влюбленного кулинара», впоследствии номинированном на «Оскара». Француз смеялся и плакал, разговаривал с куклами, как ребенок. А когда приехали армянские журналисты, чтобы рассказать о его работе в фильме, он сказал: «Что вы обо мне снимаете? Расскажите о Гари Давтяне – вот о ком надо говорить!» И они сделали замечательный фильм – о мире, созданном необыкновенным человеком.

Как вместить в себя этот мир? Этот яркий свет, мощную энергетику и, в то же время, без-

защитность, хрупкость и бесконечную грусть? Почему от прикосновения к доброму так щемит сердце? Кто они, эти куклы? Почему им удастся затронуть все уголки сердца, которое сразу распаивается, отзывается и начинает слушать и слышать их голоса? Потому что в них вдохнул жизнь чудесный Мастер. Потому что было, что сказать, передать, оставить... Он сделал это – и ушел.

Но куклы не замолчали, они живут, говорят, поют, танцуют и передают все, что вложил в них Мастер, – благодаря Жанне. Кто, как не она, знает любое движение, любую черточку характера каждой куклы? Она водит их, дышит с ними, встречает всех гостей, хранит тепло очага и традиции дома – светлого островка в этом безумном мире. Конечно, и дети, Георгий и Анна, и внучка Сандра – тоже хранители памяти, неумолимые волшебники и работники необычного театра. Но именно Жанна – режиссер жизни дома, связующее колечко с Мастером.

У куклы Хаго очень знакомые глаза и, как оказалось, интересная история. В начале 90-х в мастерскую Гари случайно забрел Фрунзик Мкртчян – спрятаться от пуль. На улицах стреляли, а актер приехал на гастроли в армянский театр. «Послушай, ты удивительный человек, – сказал Фрунзик, – все кругом воют, стреляют, а ты сидишь и кукол мастеришь. А давай, сделай куклу, похожую на меня, и будем вместе выступать. Я буду говорить, а ты ее води». Но эта мечта не осуществилась – через два месяца актера не стало. А кукла родилась – Хаго с печальными глазами, какие были только у него, у Фрунзика.

Кукла Терацу, церковный служка, очень напоминает одного знакомого всем тбилисца. Увидите ее и сразу скажете – Юрий Мечитов! Но самое удивительное, что кукла появилась прежде, чем они с Гари познакомились и подружились. Однажды Гари пообещал Юрию сделать его куклу, а потом посмотрел на Терацу и понял, что кукла уже есть! «Это моя копия – и жесты, и мимика, и типаж», – смеется Юрий. Он много снимал эту необычную, талантливую

семью, его фотографии – целый семейный архив, он был с Гари до последней минуты, остается другом семьи и сейчас, приводит гостей нашего города, чтобы Тбилиси запомнил им и полюбился еще больше. А гостям куклы радуются, гостеприимно встречают, рассаживают. И начинают рассказывать свои истории трогательные дудукисты Курша, Рыжа и Боклом языком традиционных городских мелодий, кривляется стилиста и задавала Анчап, мечтает Шекспир, «зажигает» бойкая простодюдинка Устиан, живет своей скромной жизнью Терацу...

Гостями этот Дом трудно удивить. Но однажды пришла группа незрячих людей из Голландии. Жанна растерялась, ведь в представлениях нет текста, есть только жесты, мимика, музыка... Оказалось, этих людей возят по разным странам, рассказывают о достопримечательностях, водят в музеи, где они могут прикоснуться к картинам или скульптурам и через прикосновения «увидеть» мировые шедевры. Они попросили дать им потрогать, погладить кукол перед представлением. Надо было видеть, как они знакомились с куклами, улыбались, щупали их одежду... А потом погас свет, включились прожекторы, и Жанна начала водить своих героев, уйдя с головой в работу. Когда свет включили, все необычные гости плакали.

Я никогда не видела Гари Давтяна, но, мне кажется, услышала его мысли, чувства, воспоминания, мечты. Вдруг понимаешь, что люди могут расстаться, но пара никогда не разбивается, даже если между ними километры или тонкая грань между этим и тем мирами. И тебе очень хорошо в этом пространстве, как если бы ты попал в счастливый параллельный мир или влюбился – бездумно и бесконечно... «Кто влюбился? – смеется Жанна. – Никто не влюбился! Даже слов таких не было! Мы оба учились в 91-й школе, знали друг друга издавна, он был старше на четыре года. Даже пели в одном хоре. Официально нас познакомили позже, а пока встречались на Авлабаре, родном районе, за стенами школы, когда я бежала со скрипкой в музыкальную шко-

Жанна Давтян с детьми

лу, а он сидел на лавочке с друзьями, которые посвистывали мне вслед. У него были очень хорошие друзья и все – красавцы! Ребята вместе росли, мужали и дружили всю жизнь. И все ушли рано. Один из них – сын моей учительницы по физике – нас и познакомил. Он сказал Гари: «Я познакомлю тебя с девочкой, которая твоя половинка». И стали мы ходить втроем, пока однажды наш друг не оставил нас вдвоем. Никаких признаний и объяснений не было, но всегда была необходимость встреч. Мы даже могли столкнуться где-то, не договариваясь, какая-то сила нас всегда сводила вместе. Мама говорила, что никто для меня не существует, только Гари, и что так нельзя! Но он был для меня всем, и мы могли говорить обо всем. Это не были романтические встречи парня и девушки, это были встречи двух друзей».

Жанна вдруг замолкает... И появляется четкое, абсолютно ясное чувство, что мы не одни. «Вы чувствуете его присутствие? Что сейчас для вас Гари?» – вырывается у меня вопрос. «Нельзя что-то делать для Гари без Гари. Он остается моим мужем».

И, пожалуй, пусть прозвучат и слова Гари: «Как хорошо оставить в жизни след, но не наследить».

КОМПОЗИТОР, РАЗВЕДЧИК, АЛЬПИНИСТ

■ Владимир ГОЛОВИН

Этот композитор, 125 лет назад родившийся в столице Грузии, написал песню, признанную лучшей в мире за весь XX век, и должен был уничтожить... Адольфа Гитлера. Он воевал в Белой армии, но стал инструктором-пропагандистом у... красноармейцев. Он был лауреатом двух Сталинских премий, но на лацкане концертного фрака с гордостью носил... значок «Альпинист СССР». И, будучи обрусевшим немцем, он, Лев Книппер, стал одним из основателей... таджикской симфонической музыки.

Композитор родился в семье инженера-путейца, ставшего, как сказали бы теперь, «большим человеком» — действительным тайным советником. Это звание в России носили немногие, оно приравнивалось к армейскому «полному» генералу (от кавалерии или от инфантерии), и его присваивали тем, кто занимал высшие государственные должности. А Константин Книппер был сподвижником премьер-министра Сергея Витте. Через пять лет

после окончания в числе лучших Петербургского института инженеров путей сообщения он уже руководил прокладкой тоннелей на Закавказской железной дороге, затем — строительством всей этой магистрали, а в итоге стал начальником путей сообщения всего Южного округа.

На Кавказе он женился, стал отцом двух дочерей и сына, оказавшегося болезненным. В возрасте 3-х лет у Левы диагностируют туберкулез костей, и больше года он проводит, лежа в гипсовом корсете, с гириями на руках и ногах, чтобы растянуть позвоночник. Его осматривало немало врачей, но, как он признавал позже: «Для моих родителей удручающе звучал единодушный приговор врачей: случай безнадежный, если останется жив, будет беспомощным калекой». А это — воспоминание его сестры Ольги о другом враче, любимом: «Врач плотно сложен, овальное лицо обрамляют темные волосы и густая окладистая борода; глаза полны светлой грусти, они необычайно привлекательно лучатся. Это человечески сильное обаяние как раз то, что

часто воздействует на пациентов целебнее, чем любая медицина. Он не прописывает огромного количества таблеток, таких горьких и вечно застревающих в горле, уже одним этим завоеывая сердца ребятишек — они с большей охотой пьют его легкие микстуры... Доктор — известный писатель Антон Павлович Чехов, мой дядя».

Дядей юным Книпперам писатель становится после того, как женится на их тете, сестре отца, тоже Ольге, ведущей актрисе Московского художественного театра (МХТ). Во избежание путаницы, будем ее и племянницу называть Ольгой-старшей и Ольгой-младшей. Именно к тетушке, в Москву и отправляют Леву после неутешительных диагнозов, поставленных в Грузии. Она относится к племяннику, как к собственному сыну, часами сидит у его кровати, читает книги, поддерживает беседами.

А о том, что происходит после, Лев вспоминает так: «Усиленное лечение, забота родных, а главное, крепкий организм сделали чудо: я медленно, но неуклонно выздоравливал. Года через два,

Краткий текст песни, подобный
Степная кавалерийская.
 («Полужко-поле»)

Текст ВИКТОРА ГУСЕВА. Музыка ЛЕВА КНИППЕРА.

Темп походного марша.

ХОР

1. По-полюшко-по-ле (дм), по-полюшко-по-ро-ко

но-ле! Е-дут по по-люшко-ро-ко

о-да Красной армии и го-ро-и. 2. (Фз) - ро-и.

3. (Фз) Девушки, гляньте (дм),

Мы врага крепить готовы,

Быстро (дм) плавают подлодки,

Эх-да ваши танки быстротойны.

4. (Фз) Девушки, гляньте (дм),

Гляньте на дорогу нашу,

Вместе (дм) дальшия дороги,

Эх-да равеселая дорога.

5. (Фз) Едем мы, едем (дм),

Едем -а кругом нахолом,

Ваши (дм) девушки, колхозы,

Эх-да молодцы ваши села.

6. (Фз) Только мы ваши (дм),

Видны мы седую тучу,

Врамы (дм) злоба из-за леса,

Эх-да врамы злоба, словно туча.

7. (Фз) В небе за тучей (дм)

Грозовые следят облака,

Быстро (дм) плавают подлодки,

Эх-да ваши танки быстротойны.

8. (Фз) Проты жи в волхове (дм)

Дружная кипит работа,

Мы (дм) дозорные сегодня,

Эх-да мы сегодня часовые.

9. (Фз) Девушки, гляньте (дм),

Девушки, утрите слезы,

Пусть (дм) сильнее грянет песня,

Эх-да ваши песни боевая.

10. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

11. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

12. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

13. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

14. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

15. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

16. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

17. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

18. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

19. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

20. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

21. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

22. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

23. (Фз) Полужко-поле (дм),

Полужко, вадино поле!

Едут (дм) по полю герои,

Эх-да Красной армии герои.

когда я начал заново учиться ходить, все та же тетя Оля стала дарить мне спортивный инвентарь (повергая в смятение, врачей, отца и мать)».

Да, в Москву переезжает из Грузии вся семья, а в 1903-м ее глава работает над созданием новой железной дороги с электро-тягой на южном берегу Крыма, несколько раз приезжает в Ялту к мужу сестры и даже помогает ему по хозяйству. Он месяцами не бывает дома, а по приезде у Книпперов устраиваются музыкальные вечера, родители Левы играют в четыре руки на фортепиано, к ним присоединяется путешественница с гастрольями МХТ Ольга-старшая... Так у мальчика зарождается любовь к музыке, но он скрывает это – отец хочет, чтобы сын тоже стал инженером и, в отличие от сестер, в детстве его музыке не обучают.

После начала русско-японской войны Константина Книппера переводят в столицу, и семья переселяется в Царском Селе. Оттуда Лева попадает в Павловск, и поездка потрясает его: «В возрасте пяти-шести лет было у меня и первое музыкальное потрясение. Родители, часто посещавшие концерты и театр, как-то и меня взяли с собой на весьма известные тогда симфо-

нические утренники в Павловске. Случилось так, что в тот день исполняли Шестую симфонию Чайковского... Первое в моей жизни столкновение с симфонической музыкой кончилось печально. В середине первой части я горько зарыдал, и меня спешно увезли домой, где я еще долго не мог успокоиться».

Вообще же царское детство счастливое: прогулки в парках, игры там с царскими детьми, замечательные гувернантки, с которыми по-русски говорят лишь три дня в неделю а по два дня – на английском и французском. И, конечно, летние поездки за границу. В 1907-м Лева поступает в Николаевскую Царскоевскую гимназию, через три года его отца переводят в Екатеринослав (ныне – Днепр), и на концертах в Первой классической гимназии мальчик учится играть на многих инструментах. Причем, настолько серьезно, что ему уже нанимают педагогов по музыке.

В 1913-м семья возвращается в Петербург, а через пару лет дети перебираются в Москву, Лева поступает в частную гимназию Плехова, учится там при поддержке своей тети Ольги и именно благодаря ей впервые сочиняет музыку. Неслучайно известный острослов актер Василий Качалов назвал свою коллегу по сцене «теткой, которая родила племянника». Тем временем начинается Первая мировая война, и, достигнув призывного возраста, но еще не закончив гимназию, Лев идет записываться на фронт добровольцем:

«...Под грузом с детства нажитых понятий и предрассудков

я убежал на фронт. Меня насильно вернули в Москву и заставили окончить гимназию (удивительно, что я получил тогда «Золотую медаль»). Затем поступление в Московское высшее техническое училище (ныне МГТУ им. Баумана), служба вольноопределяющимся сначала в Москве в одной из войсковых запасных частей, затем опять фронт и летом 1917 года – школа в Орле, готовившая офицеров конной артиллерии. Отъезд к родственникам на юг России; мобилизация в белую армию...».

Весной 1917 года он выпускается из училища прапорщиком и до конца Гражданской войны служит на юге России, в 6-й батальоне 2-го конно-артиллерийского дивизиона, входившего в войска знаменитого генерал-лейтенанта Якова Слащова – прообраза генерала Хлудова из булгаковского «Бега». В 1920-м подпоручик Книппер эвакуируется из Крыма с остатками армии барона Петра Врангеля и оказывается на Галлиполийском полуострове в Турции, ставшем военным центром белой эмиграции.

Ни денег, ни перспектив на будущее у него нет, зато удаётся связаться с Ольгой-старшей, которая с группой актеров МХТ под руководством Качалова гастролирует на Балканах. Она и деньги высылает племяннику, и приглашает его присоединиться к труппе, встречается с ним в Загребе и начинает переговоры о его судьбе с представителями советских властей, непременно сопровождающими актеров. Те заверяют, что молодому человеку ничего грозит, надо лишь принять одно предложение. А имен-

Родители Льва Книппера

Лева с сестрами. Справа – Ольга

но – сотрудничать с разведкой ГПУ, Государственного политического управления.

Книппер принимает предложение, преспокойно возвращается в Москву, но никто и ничего от него не требует. Так что можно целиком отдаться музыке. Родители против: в 23 года пора уже определиться с профессией. Но Ольга-старшая поддерживает племянника – «пристраивает» его в музыкальное училище. Там директором ее близкая знакомая Елена Гнесина – одна из знаменитых сестер, основавших нынешнюю Российскую академию музыки их имени. Правда, возраст Левушки не подходит для зачисления учеником, но его делают комендантом здания училища. Уроки фортепиано ему дает сама Гнесина, а остальные предметы он изучает у преподавателей училища.

И вдруг весной 1922 года выясняется, что «интенсивные занятия музыкой, перенапряжение, вызвали рецидив детской болезни: вернулся туберкулезный процесс». Консилиум врачей решает: имеющимися в стране средствами вылечить Книппера невозможно. И тут же на помощь вновь приходит тетушка Ольга. Официально объявлено, что она добивается включения Льва «в состав труппы МХТ, выезжавшей на гастроли за рубеж, чтобы он

смог пройти курс лечения у специалистов в Берлине». Вот такое стечение обстоятельств, которому свое объяснение дает Павел Судоплатов, ставший с годами руководителем советской внешней разведки. Он утверждал в своих мемуарах, что Книппера выпустили якобы для лечения, а на самом деле – для связи с белоземляками, склонными к возвращению в СССР.

В конце сентября Книппер вместе труппой МХТ приехал в Берлин и 9 месяцев «проходил курс интенсивной терапии», оплаченный Ольгой-старшей. Потом объявлено: болезнь отступила. Доктора разрешают Льву заниматься музыкой, он берет уроки у известных композиторов (кто их оплачивал, не уточняется), знакомится со знаменитыми немецкими музыкантами. И тетя Ольга пишет его отцу: «Из Левы получается что-то интересное. В половине сентября он перебирается в Берлин и хочет работать и слушать побольше музыки. Страшно только за его здоровье... По-моему, его композиции интересны. Я чувствую, что это не белиберда. Вот поведу с ним, послушаю и напишу о нем. Он познакомился со многими молодыми композиторами и был наверху блаженства, что попал в артистическую среду. Он очень верит в себя. Дай Бог ему!»

Но главной целью поездки Льва, судя по всему, была его сестра Оля. Все та же заботливая тетя и тезка помогла племяннице попасть в студию при Художественном театре, но девушка продержалась там лишь год. В 1914-м она вышла замуж за восходящую звезду этого театра Михаила Чехова, племянника писателя. Через полтора года у них родилась дочь, еще через пару лет они развелись. В 1920 году Ольга-младшая, обретя звучную фамилию Чехова, уезжает в Германию. Там берется за любые роли в кино, становится звездой первой величины, получает германское гражданство и звание Государственной актрисы (аналог народной артистки СССР).

Ее приглашают в Голливуд Альфред Хичкок, Кларк Гейбл, Дуглас Фэрбенкс, Гарольд Ллойд, Чарли Чаплин... Но она остается в Германии, снимается за год в 6-8 фильмах и все они

имеют огромный успех не только у простых немцев, но и у самого Гитлера с приближенными. Фюрер показывал ей свои акварели, они вместе выходили в свет, Ольга познакомилась и подружилась с Евой Браун, Магдой Геббельс и Эмми Геринг. Во время визита в Германию Вячеслава Молотова фюрер, первой из высоких гостей приема, представил ему Ольгу.

И вот эту кинодиву, которая имела огромный авторитет в стране и к которой обращались за помощью высокопоставленные чиновники и военные, приехавший «на лечение» Лев успешно вербует. Ветераны советской внешней разведки утверждали, что на Лубянке имеется картотека секретной переписки между сестрой и братом.

В декабре 1923-го Лев возвращается в Москву – смертельно заболевает его отец. В двадцатые годы молодой музыкант увлекается стихами Блока, Цветаевой, авангардной музыкой, пишет сочинения на тему «Тилиа Уленшпигеля» Шарля де Костера, вольтеровского «Кандида» и памяти Есенина. Он снова занимается у Гнесиных, учится у выдающегося композитора Рейнгольда Глиэра. И в 1925 году – первое публичное исполнение его произведения, сюиты для симфонического оркестра.

В Германии с немецкими музыкантами

Ольга-младшая с немецкими солдатами в Париже и с Гитлером

назвал ее лучшей песней XX века – не только из-за мелодии, но и потому, что она великолепно звучит в любом музыкальном жанре и стиле. Правда, до сих пор некоторые историки и музыковеды спорят: действительно ли Книппер написал эту песню в 1934 году, не раньше ли, когда служил в Белой армии? Но от этого, согласитесь, песня хуже не стала.

Современники вспоминали Льва Константиновича как всеобщего любимца, «великого шалопута, доброго по своему характеру и очень беззащитного баловня судьбы». Эффектная внешность, музыкальность, спортивность (он был чемпионом Крыма по теннису, выступая за клуб ЦДКА) сделали его и баловнем женщин. Женат он был три раза. А внешность доброго и беззащитного человека очень пригодилась, когда он со знаменитым Краснознаменным ансамблем красноармейской песни и пляски СССР в 1940-м оказался в юго-восточных землях Польши, ставших Западной Украиной.

Там, как свидетельствует генерал Судоплатов, вместе со своей второй женой Мариной Меликовой он «стал ключевой фигурой в разоблачении немецких шпионов». Некоторые эсэковцы считают, что их подобрали друг другу как парных агентов.

Л. Книппер на Памире. 1930

стра «Сказки гипсового божка».

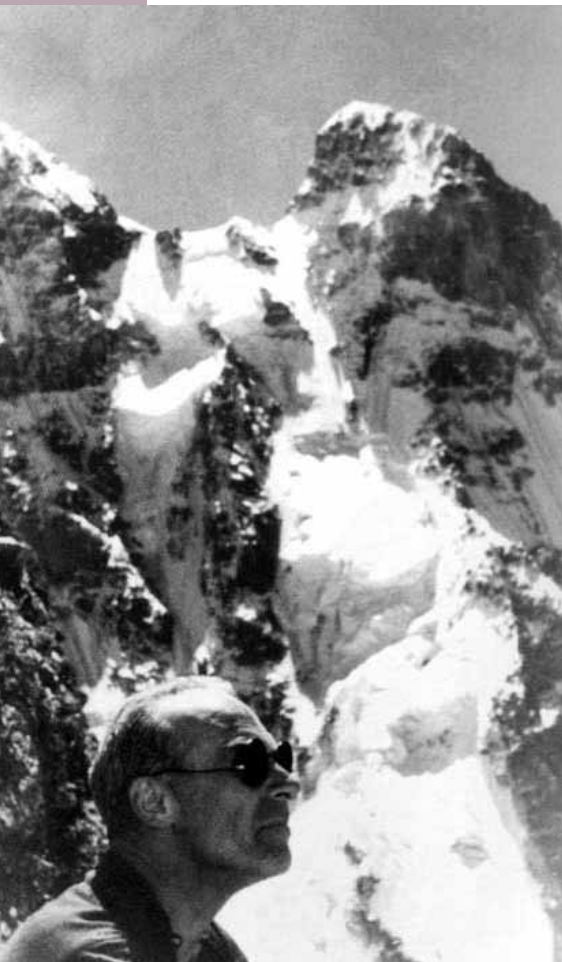
А через 4 года Владимир-Данченко приглашает его в МХТ уже как музыкального консультанта. Замечательно охарактеризовал этот период жизни Льва его двоюродный брат Владимир: «Началась полоса социализма. Отошла пора Кандидов и ТильУленшпигелей. Пришлось Лева «оттачивать» композиторское перо на операх «Город ветров» по пьесе В. Кириона о бакинских комиссарах, «Города и годы» по роману К. Федина, «Мария» по роману П. Павленко «На Востоке». Для постановки в МХТ избрали пьесу Кириона – того самого, что травил Михаила Булгакова и других «чуждых», а в наши дни известен как автор песни «Я спросил у ясеня».

С начала 1930-х бывший врагелевец Книппер тесно сотрудничает с Военно-театральным бюро Центрального Дома Красной Армии и, что называется, мотается по всей стране. Помогает организовывать хоры и оркестры в дальних гарнизонах, пишет марши и песни для различных воинских частей, ходит в походы на военных кораблях и подводных лодках. И даже становится инструктором по массовой работе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, которая подчинялась непосредственно центральному командованию РККА и была предшественницей сразу двух военных округов – Забайкальского и Дальневосточного.

Он собирал песенный фоль-

клор в Сибири, Бурят-Монголии, на Памире, а Грузия дарит ему еще одну страсть всей жизни – к альпинизму. В 1929 году он побывал в Сванети и полюбил горы не меньше, чем музыку: «Вернувшись в Москву, я был навсегда «отравлен» горами и теми, несколько неожиданными для меня, ресурсами физических и духовных сил, о существовании которых я даже в себе и не подозревал. И думаю, что главное в альпинизме (для меня во всяком случае) – не покорение вершин, а покорение самого себя...». И он уезжает в горы при первой возможности, покоряет вершины Кавказа, работает инструктором в альплагерях. А на лацкане концертного фрака, как и было уже сказано, гордо носит значок «Альпинист СССР». И когда начальники разных рангов твердят ему, что это не принято, отвечает одно: «Не вы меня награждали этим знаком и не вам снимать его с моего фрака...».

А в 1934 году Лев Константинович входит в историю мировой музыки – пишет симфоническую «Поэму о бойце-комсомольце» из четырех частей-маршей, объединенных одной музыкальной темой. И именно эта тема становится песней «Полюшко-поле» на слова поэта Виктора Гусева. К ней приходит всемирная слава, ее исполняли лучшие певцы и целые музыкальные коллективы всех континентов. А выдающийся американо-британский дирижер Леопольд Стоковский вообще

Альпинист Книппер

Отец Марины до революции был главным прокурором Тифлиса, и она стала работать в разведке, чтобы советская власть простила этот «грех».

Война застаёт Книппера в Баксанском ущелье, где он тренирует красноармейцев. Приказ прибыть в Москву он получает лишь осенью 1941-го. Большинство деятелей культуры уже эвакуированы из столицы, но у Льва и его жены – особая задача. На тот случай, если немцы захватят Москву. Слово – Павлу Судоплатову: «По распоряжению И. Сталина в Москве были созданы три независимые друг от друга разведывательные сети. Одна из них представляла собою автономную группу, которая должна была уничтожить Гитлера и его высшее окружение, если бы они появились в Москве после ее взятия. Эта операция была поручена композитору Книпперу, брату Ольги Чеховой, и его жене Марине Гариковне».

В квартире Книппера на Гоголевском бульваре создали склад его подпольной группы. Чтобы

Л. Книппер на репетиции у В. Немировича-Данченко

незаметно разместить большое количество оружия, боеприпасов и специального оборудования, все стены обложили еще одной стеной, создававшей пустоты, а потолки слегка опустили. Книппер добровольно берет на себя руководство крупной подпольной сетью из 11 спецгрупп, настолько законспирированной, что, кроме него, никто в ней не знал ни имена остальных, ни их число, ни способы контактов.

Сам Книппер должен был

играть роль бургомистра оккупированной Москвы, подчеркивая свое немецкое происхождение, белогвардейское прошлое и используя огромную популярность сестры Ольги в рейхе. А та должна была организовать его встречу с Гитлером, когда тот приедет в Москву для проведения парада на Красной площади. Жертвывая собой, Лев должен был взорвать фюрера и его окружение. Но Москву не сдали, и этот план оказался ненужным.

Тогда Льва с Мариной отправляют в Иран, по дороге – встреча с тетушкой Ольгой, эвакуированной вместе с театром в Тбилиси. А цель приезда в конце 1941 года, как писали тегеранские газеты, «изучение иранской народной музыки и налаживание культурных связей». Прямо скажем, не самые первостепенные задачи во время тяжелейшей войны. Но кто знает истинные цели разведчиков, тем более, в Иране, ставшем в то время перекрестком борьбы агентов всех мастей из всех противостоящих стран. Эти «музыкальные занятия» длятся почти два года. Потом – возвращение ненадолго в Москву и вновь – Иран под прикрытием музыкальной деятельности: исполнение различной музыки, запись на фонограф музыкального фольклора, организация оркестров. И... восхождение на высшую точку иранского высокогорья – вершину

Л. Книппер – инструктор Красной Армии

Со С. Растроповичем

Дамаванд (5610 метров).

В конце войны Книппер направляется политработником на 3-й Украинский фронт «для оказания помощи фронтовым композиторам в деле создания песен, а также для творческой композиторской работы». А после войны – снова произведения по одобряемой «сверху» тематике: оперы «На Байкале» и «Маленький принц», балет «Красавица Ангара»... «Писалась музыка в честь покорения космоса, целины, подвига Р. Зорге. Готовилось либретто опер «Девять дней одного года» о физиках, «Судьба человека» по известной повести Шолохова о войне», – вспоминал его кузен Владимир Книппер. – Я бывал на его концертах. Боже, как он управлял оркестром! Вот где высший класс! Левины симфонические сюиты «Горная серенада» для струнного оркестра, «Солдатские песни», другие симфонии, романсы, песни – они еще придут на радио, в концертные залы...»

Во второй половине 40-х Лев дважды получает Сталинскую премию – за серенату для струнного оркестра и за сюиту «Солдатские песни» для симфонического оркестра. При этом он совершает Поступок – именно так, с большой буквы. На первом Всесоюзном съезде советских композиторов в 1948-м громили музыку «формалистов» Шостаковича, Мурадели, и Прокофьева, докладчик Владимир Захаров, автор псевдонимных хорových

С любимой тетушкой Ольгой

песен, прямо заявил, что «с точки зрения народа, Восьмая симфония Шостаковича не имеет ничего общего с искусством». В ответ, как свидетельствует официальный отчет, Книппер громогласно заявил, что «это уже слишком!»

После 1940 года заданий от разведки больше не было. Поэтому появлялись новые сочинения, пока хватало сил, совершались восхождения, много времени проведено в республиках Средней Азии, записаны киргизские, туркменские, курдские, ассирийские и бурятские песнопения, огромная помощь оказана таджикским симфонистам... Всего же Лев Книппер написал свыше 20 симфоний, 8 опер, 2 балета, оперу-балет, музыку к трем кинофильмам и четырём театральным спектаклям... Ушел из жизни в 74 года, еще и лауреатом Государственной премии РСФСР имени М.И. Глинки и на-

родным артистом России.

Но для миллионов людей во всем мире он остается в первую очередь создателем песни «Полюшко поле». Она звучала и продолжает звучать не только в исполнении Академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова, но и джаз-ансамбля Леонида Утесова, оркестра ВВС США под управлением Гленна Миллера, бэнда кларнетиста Бенни Гудмена, оркестров Поля Мориа и Джеймса Ласта, Хора Турецкого и ВИА «Песняры», цыганского оркестра М. Ионеско из Франции, немецкой и шведской певиц с русскими корнями Хелены Фишер и Виктории Толстой, турецкого исполнителя на сазе

Ахмета Коча, военного оркестра ФРГ под управлением майора Рудольфа Марренбаха, голландского оркестра Андре Рье, американского рэпера Снупа Догга, японской актрисы Масами Нака...

И списку этому, как говорится, нет конца. Вот уже, действительно, памятник нерукотворный альпинисту и разведчику.

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

■ **Андрей МАРУДЕНКО**

Окончание

ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ

– Лазурный берег во многом открыла для мира русская царская семья, как известно.

– Территория – примерно от Ниццы до Ментона – традиционно была связана с русским влиянием. В Вильфранше стоял русский флот, который, кроме прочего, обеспечивал безопасность русской царской семьи, любившей отдыхать в Ницце. А британское влияние было западнее, поэтому Канны традиционно были центром британской колонии, в то время как Ницца и дальше, в сторону Ментона, были территориями русского влияния.

– Когда вы впервые приехали на Лазурный берег?

– Более 60-ти лет назад по пути в Ментон с моей первой супругой Ниной в поисках дома моего родственника, Алексея Николаевича Лобанова-Ростовского. Мы нашли этот дом, на котором до сих пор сохранился герб Лобановых-Ростовских. Тогда я обратил внимание на множество архитектурных объектов, связанных с Россией, на Лазурном берегу. Почему это так? Обязаны мы этим российскому флоту. В те времена, а мы говорим о конце 19-го и начале 20-го века, российское высшее общество по своему богатству было сравнимо с современными олигархами. Различие в том, что сегодняшние олигархи ничего эстетического до сих пор не привнесли на Лазурный

берег Франции. Вы сами видели, сколько прекрасных русских домов осталось на Лазурном берегу от русских людей с тех времен. Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, министр иностранных дел, построил на самой верхушке Ниццы замечательный дом в стиле замка эпохи Людвига Баварского. А рядом, в ста метрах от него, стоит роскошный особняк княгини Кочубей с видом на море, в котором сейчас находится музей изобразительных искусств Ниццы. В нем выставлены шедевры молодой и малоизвестной русской художницы Марии Башкирцевой, по мастерству – уровня Серова. Она скончалась в 24-летнем возрасте. Ее могила на кладбище в центре Парижа, на площади Трокадеро – самая большая и единственная, которая видна с улицы.

– Вы на машине приезжаете в Монако. Какое первое впечатление произвело на вас Монако?

– Искренне восторженное. Потому что сегодня Монако не

имеет ничего общего с Монако 60 лет тому назад. Монако было роскошным местом, которое, к сожалению, сильно изменилось. Прежде всего, архитектурно. Теперь Монако можно назвать Манхэттеном Лазурного берега из-за большого количества высоток. Тогда мы жили в Ментоне, потому что там температура морской воды на 2 градуса выше, чем в Монако. Я всю жизнь страдал от холодной воды. Когда я в юности занимался плаванием, то часами плавал в холодной воде Черного моря. Поэтому теперь для меня температура воды имеет важное значение. Как и наличие пляжа в отеле. Я люблю плавать в море, а не в бассейне. В Монако, к сожалению, только один отель, где есть собственный пляж с непосредственным выходом на море – Le Meridien. К тому же в Меридиане хорошая кухня, и я там с удовольствием останавливаюсь, несмотря на то, что он на периферии Монте-Карло. Как вы знаете, в Монако остались следы присутствия Сергея Дягилева, и свидетельство тому – бюст Дягилева и мемориальная плита с обратной стороны здания казино. А те состояния, которые были проиграны в казино Монте-Карло, следа не оставили.

– *Вы готовы заплатить, чтобы этот бюст убрали, и на его месте поставили другой, более отражающий облик Дягилева.*

– Совершенно верно. Увы, у меня такое же отношение к памятнику Дягилеву в театре Шатле в Париже. Я повторяю, что готов заказать скульптуры у талантливого скульптора в Москве и за свой счет оплатить новые памятники и там, и там.

– *Дягилев для Монако очень важная фигура.*

– Конечно. В течение более 10-ти лет Монте-Карло был лабораторией, где он воплощал новые идеи и новые стили в балетных постановках, тем самым утверждая Монако как значительный культурный центр. Мало кто знает, что до прибытия Дягилева в Париж в 1906 году русская музыка и искусство были практически неизвестны западному миру. Имена таких композиторов, как Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин и даже

Чайковский не были знакомы западной публике. Только после первых дягилевских сезонов, в 1908 году, в Париже, а затем в Монте-Карло, Лондоне и Берлине западная публика впервые познакомилась с русской музыкальной и балетной классикой. Такие постановки, как «Видение Розы» с Вацлавом Нижинским и Тамарой Карсавиной в главных ролях, «Весна священная» и «Аполлон Мусaget» на музыку Стравинского, «Блудный сын» на музыку Прокофьева, многие другие, созданные Дягилевым в Монако, составляют часть длинного списка первоклассных работ, которые вошли в сокровищницу мирового балетного репертуара. Благодаря принцу Альберу I, который гостеприимно принял труппу Дягилева в Монако и обеспечил труппе «Русского балета» базу для творческой деятельности, Дягилеву удалось сотрудничать с такими мастерами балета, как Фокин, Нижинский, Карсавина, Мясин, Баланчин, Лифарь. С композиторами Стравинским, Сати, Равелем, Прокофьевым, де Фальей. С такими художниками, как Бакст, Бенуа, Пикассо, Матисс, Дерен, Брак и многими другими. Нельзя забывать, что мы до сих пор наслаждаемся многими спектаклями из его репертуара. Спасибо Монако, давшему возможность Дягилеву и его антрепризе работать на его территории более 10 лет – с 1911-го по 1914-й и с 1920-го по 1929-й годы.

– *Насколько мне известно, Монако бережно хранит все, что связано с Дягилевым.*

– Я участвовал в переговорах по покупке архива Сержа Лифаря, старался способствовать тому, чтобы создать там музей русского балета. От Монако в переговорах участвовал принц де Полиньяк, родственник принца Ренье, а также Bernard Combemale, исполнительный директор компании SBM, которой принадлежит казино и многие гостиницы Монако. С ним я дружил в Нью-Йорке, где он работал в банке, как и я. Оттуда его переманили в Монако заняться главным доходом княжества – компанией SBM. Он меня пригласил участвовать в обсуждениях, зная, что я зна-

ком обеим сторонам, и что я в курсе дела. Мы встречались по меньшей мере четыре раза и обсуждали детали возможной продажи. Это были небольшие деньги для Монако – около 1,5 миллиона долларов. В конце концов мы пришли к компромиссу, что компания SBM выдаст аккредитив в пользу Лифаря сроком на один год, а через год погасит свои обязательства. Но графиня Лилиан Аленфельд хотела получить деньги сразу. Поэтому они выставили коллекцию на аукцион у Сотбис. Я был очень расстроен этим отказом Лифаря под нажимом Лилиан. Ведь год – это не такой большой срок. Таким образом, Монако лишилось возможности создать музей русского балета.

– *Помимо деловых переговоров, приходилось вам отдыхать на Лазурном берегу?*

– Обычно мы отдыхали в Saint-Tropez, где проводили две недели летом каждый год. Сен-Тропе в те годы было богемным местом, где почти не было случайных туристов. Там была квартира у тети моей жены Нины, в десяти метрах от пляжа. Что удивительно, на этом пляже температура воды на 2 градуса выше, чем вокруг. К тому же, это место находилось

Л. Бакст. Портрет Дягилева с няней

Гайд-парк

у самого въезда в Сен-Тропе, перед маленькой элегантной гостиницей La Pined. Так что нам не нужно было въезжать в Сен-Тропе, приехав на каникулы. Мы пешком ходили по пляжу, где множество вкусных ресторанов. Почти ни с кем не общались, там мы выключались и отдыхали.

– *Когда вы впервые приехали в Сен-Тропе?*

– В 1955 году. Я гостил на вилле бельгийского банкира Louis Sami, у которого был дом и большой участок берега в предместье Раматюэль. Я учился в Оксфорде с двумя его сыновьями, которые пригласили на месяц меня с другими нашими учениками. Мы приехали туда целым коллективом, включая герцога Эдварда Кентского. Главные особы поселились на вилле, а другие, попроще, включая меня, в палатках, в большом саду рядом с домом. Герцог Кентский жил в главном доме со своей тогдашней подругой Charlotte Bowater. Рядом с домом для утоления жажды стояли две огромные бочки –

одна с красным, а другая с белым вином. Пить можно было без ограничений. Мне запомнилось на всю жизнь одно из наших приключений. Однажды мы поехали в Frejus на ежегодную корриду. Там был аттракцион для всех желающих. Вы должны были выйти на арену и снять со лба молодого быка кокарду, которая находилась у него между рогов. За это полагался приз в размере 10 тысяч франков. Мы договорились о коллективном решении этого вопроса, решили, что вчетвером подойдем к быку с разных сторон. При этом большинство из нас будет отвлекать быка с разных сторон, а один снимет с него эту кокарду. Но когда мы подошли к быку, он стал свирепо смотреть на нас то в одну, то в другую сторону и погнался по круговой линии за нами. Мы так испугались, что я впервые в жизни страшно пожалел, что у меня нет глаз на затылке, чтобы посмотреть, насколько близок бык. Мы со всех ног побежали в разные стороны, чтобы спрятаться за ограждениями, где

прячутся матадоры. Мой друг, первый муж моей жены Джун, успел спрятаться от погнавшегося за ним быка. Но он был человеком очень темпераментным и вытянул ногу из-за укрытия, чтобы пнуть быка в морду, за что получил от быка отметину на всю жизнь, чтобы знать в будущем, как общаться с быками. Подобный страх я испытывал два раза в жизни. Второй раз это было в Америке, в скалистых горах. Я тогда работал геологом, и мы проводили разведку минералов. Мы шли по лесу с моим помощником, который нес ружье и ранец с образцами руды. Мы наткнулись на медведицу гризли с двумя медвежатами. Она погналась за нами. Я скинул ранец, а мой помощник, которому я платил и который должен был меня защищать, сам бросил и рюкзак, и ружье и побежал. Мы помчались вниз к ледяному озеру и кинулись в воду. Медведица, к счастью, не стала входить в воду и спустя некоторое время ушла.

ЛОНДОН

– Вы хорошо знаете и любите Лондон. Русский человек обычно чувствует себя в Лондоне хорошо, там постоянно проживает много русских людей. Чем бы вы могли это объяснить?

– Англия, в отличие от всех других стран Европы, имеет многовековой закон. Этот закон гласит, что вы можете совершать любые политические преступления, в том числе убийство, вне территории Англии, но вас за это не могут преследовать в Англии. Поэтому Англия веками была прибежищем для политических диссидентов, например, для Маркса и Ленина. У них была полная свобода заниматься подпольной работой против других стран, и если они не занимались подрывом британской короны, то могли спокойно здесь проживать. И потому исламские террористы-убийцы здесь проживают довольно удобно и даже на пособиях. В итоге они размножаются геометрически. В Лондоне уже 42 процента неанглийского населения. Недавно здесь был переизбран пакистанский мэр. Местные англичане очень редко голосуют. Обычно голосует менее 50-ти процентов коренного населения. Отчасти это понятно, потому что английская система голосования непропорциональная, чтобы избежать множества партий, как в Израиле. Это часто доводит до затруднений в управлении. Исламисты правоверного мира отвечают на призыв своих лидеров, массово голосуют и побеждают на выборах без особенных усилий.

– В Лондон вы приехали из Америки?

– Я приехал в Лондон в 1979 году, и темп работы в банке мне показался санаторием по сравнению с тем, что было в Нью-Йорке. Но у меня тогда было очень много энергии. Поэтому мне была ближе Америка. В Англии совсем другой ритм и другая результативность. В Америке очень высокая производительность, а в Англии низкая. В Англии почти нет тяжелой индустрии, своего машиностроения из-за неконкурентной способности местной рабочей силы. Главные источники дохода Англии – это услуги: юридические, финансовые и страховые. Наши секретарши в банке могли запросто выпить бутылку вина за обедом, что делало их малопродуктивными после этого. Поэтому нам приходилось допол-

нительно нанимать секретарш из Австралии или Новой Зеландии, которые не пили за обедом и были готовы работать до 8-ми вечера.

– Где вы поселились в Лондоне?

– В районе Holland Park. В Лондоне мало больших квартир – по 200-300 метров, чтобы они располагались в одной плоскости. Домов в Лондоне много, а квартир мало, в противоположность Манхэттену. Квартиру, которую Нина нашла по объявлению, я купил по телефону, сидя в Сан-Франциско.

– Вы ее не видели и купили по телефону?

– Совершенно верно, по телефону.

– Не разочаровались?

– Нет, это была и есть замечательная квартира с большой гостиной комнатой, тремя спальнями, столовой и кабинетом. Я ее оставил Нине после развода. Потом с моей второй женой Джун мы жили в доме в районе Hyde Park. С тех пор три раза переезжали, в контексте постепенного перехода детей Джун к самостоятельной жизни, каждый раз понемногу уменьшая жилплощадь.

– Какие ваши любимые места в Англии?

– Их огромное количество. Одно из первых впечатлений об Англии связано с январем 1954-го года, когда я посетил выставку, посвященную Сергею Дягилеву. Там были представлены живописные работы художников, связанных с ним, в большинстве своем русских. Это для меня был очень значимый день, потому что тогда, на этой выставке, я поставил перед собой задачу постараться создать такое же собрание русской театральной живописи. И, к счастью, в жизни я преуспел, мне представилась возможность эту задумку осуществить. Другое яркое воспоминание тех лет – посещение в 1954 году герцогини Кентской, матери принца Майкла и герцога Эдварда. Тогда я с сыновьями еще не был знаком, но был знаком с ней. Однако в Кенсингтонском дворце до тех пор не был. В те дни не было высокой железной ограды, которая отделяет Кенсингтонский парк от дворца. Ограда была только по пояс. Я не мог найти вход, потому что когда вы входите в парк с Kensington High Street и смотрите на дворец, то вход, который расположен с левой стороны, не виден. Я подошел к ограде и просто перепрыгнул через нее. Из кустов

выскочили двое полицейских и меня схватили. Когда я сказал, что иду к герцогине на чай, они, конечно, не поверили. Меня отвели в полицейскую будку и позвонили во дворец. К счастью, подтвердилось, что я приглашен на чай, и меня направили к герцогине. Войдя к ней, я увидел за роялем Артура Рубинштейна. Мы пили чай и наслаждались его игрой.

– Герцогиня занимала весь дворец?

– Конечно, не весь. Там живут несколько семей во флигелях. Например, принц Майкл живет в левом флигеле. Каждый член королевской семьи может иметь там квартиру.

– Вы продолжали навещать этот дом?

– Да, потому что я тогда дружил с ее племянницей, принцессой Елизаветой Югославской, чья мать была сестрой герцогини Кентской. Я с принцем, Павлом Югославским, отцом Елизаветы, был в очень хороших отношениях, он – большой знаток искусства и, как Третьяков, собрал огромную коллекцию прекрасных мастеров за свой счет. Его коллекция была национализирована. В России это подразумевает конфискацию, а в других странах означает право страны выкупить коллекцию по рыночной стоимости работ. Так, например, был национализирован Суэцкий канал. Несмотря на войну, Насер выплатил рыночную стоимость Суэцкого канала, и французы на этом заработали. Затем я подружился с двоюродной сестрой принцессы Елизаветы, принцессой Александрой, дочерью герцогини Кентской. С герцогом Кентским я познакомился летом в Сен-Тропе. До этого я никогда их не встречал. Майкл еще был довольно молод, ему было лет 14, мне 20, и не было причин с ним встречаться. Майкл дружил с князем Георгием Галицыным, и через него я познакомился с принцем Майклом. Георгий Галицын был выдающимся человеком. Он был в английском спецназе (SIS) во время Второй Мировой войны, это требовало не только физических возможностей, но и интеллектуальных. У меня с ним был забавный инцидент. Он занимался турами в Советский Союз. Был очень общительным человеком. Как гвардейский офицер, он всегда носил галстук гвардии и блейзер вместо пиджака. В России

его любили. Он мог выпить много водки и не пьянеть. В начале 70-х я прожил в Москве и, когда мог, в гостинице Националь. Что значит, когда мог? Во время диктатуры пролетариата все гостиницы, в которые могли приезжать иностранцы, стоили одинаково, вне зависимости от их качества, будь это люкс петербургской Астории или гостиница Белград в Москве, в которой протекал потолок. В Национале был какой-то сервис, которого в СССР в принципе не было, плюс приятный вид на Кремль. Куда вас поселят, узнавали только в аэропорту по прилете – там нам говорили, в какую гостиницу нас направляют... Однажды вечером я вышел из Националя и хотел взять такси. Открываю дверь подъехавшего такси, чтобы помочь пассажирам выйти. Выходит Джордж Галицын с двумя гражданками и тихо говорит: «Никита, не могли бы вы пойти со мной в гостиницу, потому что я один не смогу с обеими справиться. Я немножко устал. Сделайте мне одолжение». Я ему ответил, что очень сожалею, но у меня важное свидание, которое я не могу отложить.

– *Екатерина Галицына – его дочь?*

– Да. Он очень жалел, что она ничем русским не интересовалась, русский язык не знала. Он спросил меня, не могу ли я ему как-то подействовать, чтобы она узнала Россию. Мы были близки с тогдашней директоршей театрального музея в Петербурге, Ириной Евстигнеевой. Она была не замужем и жила с больной матерью, за которой ухаживала. Имела лишнюю комнату. Она была партийным работником, но ее отстранили от партийной работы в горкоме и сослали на службу в качестве директора музея. Как директор, она была исключительным человеком, потому что все делала для музея. Также она была выездная. Она приезжала в Англию к дочери Шаляпина, чтобы убедить ее оставить реликвии отца этому музею, что ей и удалось сделать после нескольких поездок в Англию. В Лондоне я ей финансово помогал, потому что им давали 50 долларов в день, что включало пищу и гостиницу, а это было нереально. Мы подружились. Я ей рассказал про дочь князя Георгия Галицына, что он хотел бы, чтобы она научилась русскому языку и узнала Россию. В итоге Екатерина приехала в Ле-

нинград, гостила у Евстигнеевой, полюбила Россию и даже осталась там на время. Выучила русский язык и начала работать на радио. Позже она стала профессионалом по радиопередачам. Сейчас она живет в Лондоне.

– *Возвращаясь к Лондону, что еще входит в путеводитель князя Лобанова-Ростовского?*

– Лондон настолько многогранен, что очень трудно говорить о чем-то одном. Для туристов, которые любят природу, там большое количество огромных парков. В некоторых парках, королевских, вы можете гулять пять часов и никогда не возвращаться в одно и то же место. В Richmond Park пасутся стада оленей разных пород. Для людей, которые любят театр, в Лондоне, по сравнению с любым другим городом, самое большое количество театров – от классики до современной драматургии. Увы, все пьесы ставятся на английском языке, который наши соотечественники не всегда знают. Англичане еще не создали русских театров, вроде театра Грибоедова в Тифлисе. Зато есть русские рестораны, где можно приятно провести время.

– *Какие рестораны у вас любимые в Лондоне?*

– Их множество и на любой карман. Для тех, кто любит рыбу, в Лондоне, не считая Сан-Франциско и Нью-Йорка, очень качественные рыбные рестораны. Конечно, есть и французские, и другие – это уже на ваш выбор, сколько звезд вы хотите и сколько вы готовы потратить. Меня не привлекает реклама звезд в ресторане. Приведу вам пример. Я подружился с известным французским поваром – Альбером Ру, который скончался в прошлом году, чей сын продолжает дело отца. Его ресторан находится на первом этаже – *par terre*, кухня – в подвале, а сам дом – анонимная шикарная гостиница, без рекламы. В то время члены правительства снимали там комнату, чтобы быть уверенными, что их не будут подслушивать. В этом ресторане 54 посадочных места. Сколько, вы думаете, на кухне поваров для 54-х гостей? 22! Поэтому стоимость каждого блюда довольно высокая. Минимум 120 фунтов за обед, из которых стоимость пищи составляет только 20 фунтов. Но я предпочитаю китайскую идеологию, где на обстановку в ресторанах похожего класса не обращают внимание.

Обычно официанты в них грубые. Зато китайские рестораны славятся поварями, и клиенты туда ходят в зависимости от того, какой повар сегодня работает. Это всегда меня привлекало. Я вообще стараюсь выбирать этнические рестораны, не звездные, по рекомендации знакомых.

– *В чем суть английского характера?*

– Я могу судить по своему опыту, прожив с англичанами 65 лет. Приведу пример. Я познакомился с моим ближайшим английским другом, сэром Ианом Ранкиным, в Сен-Тропе, где мы жили в той самой палатке, о которой я вам рассказывал. 40 лет спустя он расстался со своей супругой, и я на ней женился. Но наши отношения с ним никак не изменились, мы остались друзьями. Если вы с кем-то в Англии становитесь друзьями, то это навсегда, вне зависимости от ваших политических и моральных убеждений. Приведу еще один пример. В Оксфорде по совершенной случайности я познакомился с человеком следующим образом. Я провожал девушку домой около полуночи. На дороге стоял открытый гоночный автомобиль Остен Хили. В машине сидела пара и целовалась. Проводив подругу, я прошел мимо той же пары в автомобиле и продолжал идти пешком домой. Эта машина меня нагнала. Водитель спросил, не хочу ли я, чтобы он меня подвез, ибо автобусы уже не ходили. Я сначала подумал, что он – гей и хочет со мной таким образом познакомиться, но поскольку я был в те времена крепкий, то был уверен в своей способности в случае чего дать отпор. И согласился. Так я познакомился с Беном Уиткером. Мы подружились и постоянно встречались в Оксфорде. Несмотря на то, что он был ярым социалист и прекрасно знал, что я – ярым антимарксист, это не мешало нам дружить. Конечно, в Англии очень помогает класс. У аристократов сразу имеется общая база, вне зависимости от того, есть у вас деньги или нет.

– *Это сугубо английское качество? В Америке класс не имеет значения?*

– Да, не имеет, но там имеют значение деньги.

– *А в континентальной Европе?*

– В Германии класс продолжает быть абсолютно замкнутым кругом, туда очень трудно про-

Кенсингтонский дворец

никнуть – скажем, к принцу Анхальт. Это очень-очень трудно для рядового немца. Аристократы обычно стараются общаться между собой. Во Франции все более демократично, но там есть налог на титул. А в Италии такое огромное количество аристократов, созданных не только королевской семьей, но и Папой Римским, что это растворяется в массах населения. Кроме таких известных фамилий, как Боргезе, Колонна, Киджи. Во Флоренции, например, очень замкнутый круг аристократии со своими дворцами, где они продолжают жить. Там есть очень узкий класс верхушки старинной аристократии и множество титулованных Священной римской империей, таких как Анатолий Николаевич Демидов, принц Сан Донато.

– Вам, как русскому князю, эти двери открываются?

– Да, абсолютно.

– То есть русский дворянский титул абсолютно легитимен в Европе?

– Да, конечно. В Англии мне это сильно помогало, поскольку мой предок был послом России в Лондоне, а позже министром иностранных дел. Те, кто изучал историю, знали о нем из-за русско-турецких войн, в которые Ан-

глия всегда была замешана. Это мне очень помогло здесь. Большинство из тех, с кем я общался в Оксфорде, были гуманитариями – занимались историей, экономикой, архитектурой. Только я учил физику и химию.

– Вы как-то рассказывали, что в английских университетах было не принято демонстрировать свой ум...

– Совершенно верно. В те времена, а я говорю о 1950-х годах, в Оксфорде считалось, что теми людьми, которые серьезно учатся, нужно пренебрегать, их называли троглодитами, живущими в пещерах. Сэр Исайя Берлин явно знал это и дал мне мудрый совет: дабы избежать презрения большинства соучеников, нужно скрывать, что ты учишься, под предлогом того, что ты уехал на рыбную ловлю и прочее. В подтверждение, в те времена в Оксфорде была только одна библиотека, которая работала до 10 вечера, это библиотека факультета химии. Остальные библиотеки закрывались в 6 часов вечера. Сейчас вы можете сидеть в библиотеке всю ночь, но тогда сидеть и учиться – это было неприличным делом.

– Что такое английский класс в широком смысле этого слова?

– В Англии очень остро ощутимы история и фамилии, принадлежащие этой истории, известные всем с детства по учебникам. Аристократия в Англии, в отличие от европейской аристократии, была довольно независима, поскольку после Кромвелля монарх остался фигурой без исполнительной власти. Аристократы часто были гораздо могущественнее и богаче, чем монарх. Поэтому, когда вы ездите по Англии, вы видите дворцы изумительного размера и удивительной красоты, несравнимые с Букингемским дворцом. Например, огромный дворец Blenheim Черчиллей. Эти люди, которые были и есть помещики, а по своему статусу были и есть члены верхней палаты парламента, являются ведущим классом в Англии и продолжают свои традиции. Они ходили в элитарные школы, как те же Вильям и Гарри, потом поступали в Кембридж и Оксфорд, затем становились членами палаты лордов. До сих пор это все продолжается, несмотря на все усилия, которыми правительство старается унижить аристократию и уменьшить количество потомственных аристократов в верхней палате.

ЖЕМЧУЖИНА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Я считаю этот фестиваль одним из лучших, потому что он позволяет открыть для себя картины, которые больше нигде посмотреть. Центральноазиатские фильмы недоступны в Европе, мы их не видим, а на фестивале у нас есть возможность познакомиться с авторами и их работами.

Кшиштоф Занусси

— Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

В Узбекистане прошел XV Ташкентский международный кинофестиваль-2023. Кинофестиваль в последние годы стал настоящей визитной карточкой страны и уже третий год подряд встречает кинематографистов со всего мира.

Нынешний киносмотр под девизом «Мир, прогресс и просвещение» собрал более 300 кинематографистов из 52 стран, в том числе и из Грузии – в Ташкент приехали режиссер Ираклий Квирикадзе, продюсер Давид Бежиташвили и киновед Дали Окропиридзе.

Своими впечатлениями о фестивале с нами поделилась Дали Окропиридзе:

– Список почетных гостей

фестиваля был очень впечатляющим: Фредерик Дифенталь, Кшиштоф Занусси, Сами Насери, Эмир Кустурица, Кевин Спейси, Александр Сокуров, Али Хамраев, Алексей Учитель и другие выдающиеся кинематографисты. Фестиваль открылся французской картиной «Анатомия падения» Жюстина Трие. Программа была насыщенной. В нее вошли конкурс «Кино Центральной Азии», конкурс «Кино за 5 дней» (номинантами были студенты киновузов стран СНГ), кинофорум Международной организации тюркской культуры ТЮРКСОЙ под названием «Кино тюркоязычных стран: международные связи, традиции и инновации»,

фестиваль стран Европейского Союза (его открыла украинская картина – Украина впервые приняла участие в Ташкентском кинофестивале), конкурс «Национальное кино»... Хочу отметить, что в конкурсе фильмов стран Центральной Азии Ираклий Квирикадзе был членом жюри.

Особое внимание было уделено образовательной программе. Мастер-классы для молодых кинематографистов провели Александр Сокуров, Ираклий Квирикадзе, Пьетро Марчелло. Я провела мастер-класс для студентов и хочу подчеркнуть, что они были хорошо знакомы с грузинским кинотворчеством, задавали интересные вопросы и внимательно слушали.

Давид Бежиташвили, Ираклий Квирикадзе, Дали Окропирдзе

Дали Окропирдзе и Фирдавс Абдухаликов

Победителем конкурса «Кино Центральной Азии» стала картина узбекского режиссера Шокира Холикова «Воскресенье» – награду вручал Эмир Кустурица. Призами «За вклад в развитие мирового кинематографа» были награждены режиссеры Ираклий Квирикадзе, Александр Сокуров и Пьетро Марчелло. Кевин Спейси вручил награду «За лучший дебют» казахстанскому режиссеру Максиму Акбарову за фильм «Степь». Приз «За лучшую режиссуру» также достался казахстанскому кинематографисту – Дархану Тулегенову за фильм «Братья». Награда «За лучшую женскую роль» была присуждена кыргызстанской актрисе Таалайкан Абазовой за роль в фильме «О том, что помню». Наградил актрису Сами Насери. Приз «За лучшую мужскую роль» также достался представителю Кыргызстана – Достану Айбеку за роль в фильме «Аромат полыни». Специальный приз дирекции Ташкентского международного кинофестиваля получил таджикский режиссер Мухиддин Музаффар за фильм «Фортуна».

Церемония закрытия фестиваля прошла в Самарканде, в туристическом комплексе Silk Road Samarkand на территории «Вечного города». Мы были в сказке! Вращающаяся сцена-амфитеатр, лазерное шоу, фейерверк!

Александр Сокуров

Пользуясь случаем, хочу выразить сердечную благодарность от имени грузинской делегации президенту фестиваля Фирдавсу Абдухаликову, начальнику отдела по Международным отношениям Агентства кинематографии Сайеру Худайбердиеву, специалисту Международного отдела Агентства кинематографии Узбекистана Гафуру Мусаеву и всем-всем организаторам. Огромное вам спасибо! Вы создали все условия, чтобы каждый день на фестивале был наполнен богатыми и неповторимыми впечатлениями. Мы увезли с собой из Узбекистана восторг, радость и ваше искреннее тепло, которое будет согревать наши сердца еще очень долго!

Добавим, что впервые Меж-

дународный Ташкентский кинофестиваль прошел в 1958 году. Следующий состоялся в 1968 году и проводился раз в два года до 1988 года, а затем прошел в 1992 и 1997 годах. Это был крупнейший в мире, авторитетный форум кинематографии стран Азии, Африки и Латинской Америки. В июне 2021 года президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев подписал постановление о восстановлении Ташкентского кинофестиваля и ежегодном его проведении. Закономерно, что участники XV Ташкентского кинофестиваля «Жемчужина Шелкового пути» приняли Обращение к президенту Узбекистана, в котором выразили ему свою благодарность.

«ЖАННА И КОСТЕР». ИСПЕПЕЛЯЮЩАЯ ЛЮБОВЬ

■ СОБ. ИНФ.

27 сентября Тбилисский театр-антреприза «Арион» представил на Малой сцене театра Грибоедова историческую фантазмагорию «Жанна и Костер» выдающихся драматургов Инги Гаручава и Петра Хотяновского. Идея постановки этой сложной многоуровневой пьесы принадлежала художественному руководителю «Ариона» Михаилу Айдинову, а блестяще воплотил ее на сцене режиссер Михаил Пайкин (Израиль). Автор пьесы Петр Хотяновский принимал активное участие в постановке проекта.

Действо развивается в ночь перед казнью Жанны д'Арк (Ирена Кескулль). Ее последним собеседником, возлюбленным и палачом предстает Костер (Михаил Пайкин), который к тому же является и alter ego героини. Конфликт построен на полемических диалогах, охватывающих вечные темы: любви плотской и духовной, патриотизма и предательства, веры и безверия, борьбы и смерти. Философская притча ожила и заиграла драматическими красками благодаря новаторской методике режиссера, применившего оригинальные и смелые решения.

Камерность постановки подчеркнули композиции на гитаре, сыгранные Менестрелем (Григорий Папаян), а также рок-баллады в исполнении режиссера, тематически вплетенные в канву повествования.

Мы обратились к участникам спектакля с просьбой поделиться своими эмоциями и впечатлениями о процессе работы.

Михаил Пайкин, режиссер, актер, исполнитель роли Костра: «Мне очень нравилось, что в процессе работы нам помогал автор пьесы Петр Хотяновский. По поводу некоторых театральных ходов мы с ним даже спорили; я хотел увести спектакль в гротеск, в экшн, а он, напротив, хотел делать все более камерно. Где-то я соглашался, где-то отстаивал свои идеи. Получилось нечто

среднее, и это хорошо, что Петр Андреевич немного погасил мой режиссерский эксцентризизм. Также он подсказал очень уместные интонации для главного героя. Я считаю, что мне повезло с исполнительницей главной роли Иреней Кескюль, это очень пластичный профессионал, готовый воплощать странные и поначалу непонятные идеи. Это открытый человек, способный сделать любой театр. Такой поддержки и готовности менять свои актерские стереотипы я мало у кого встречал. И Ирена, и Григорий отличаются этими качествами; это два новатора, очень смелых в творческом плане человека. Когда Ирена показала мне пьесу, честно говоря, я испугался, но виду не подал. Я думал – как это поставить? Любовь, да еще и смерть? Эта пьеса похлеще, чем «Ромео и Джульетта», потому что там повествование не вертится только вокруг любви главных героев и зритель не видит только их постоянно. А здесь – двое на сцене, как на ладони, и нужно показать процесс влюбленности друг в друга, а это очень сложно для театра. Мы с Иреней начали читку пьесы, и постепенно стали понимать, как играть. Это был долгий и очень интересный процесс – выполнение интересной и почти невыполнимой в театре задачи. С помощью скудного антуража нужно было сыграть грандиозный эпизод вечной любви. Приходилось обставлять спектакль очень лаконично, потому что у театра пока нет своего места, где можно играть, все действие должно держаться на актерах. Я рад, что пьеса понравилась и была тепло принята, что зрители все поняли и увидели. А то, что многие плакали, свидетельствует о том, что нам удалось совершить невыполнимое – показать любовь скудными средствами. У меня как у режиссера осталось еще много не реализованных идей в этой пьесе – хотелось бы поработать и со сценографией, и со звуком и со светом. Этот спектакль можно бесконечно улучшать, поэтому, если это интересно по-

может театру найти свой дом, мы будем очень счастливы. Кроме того, мы с Иреней сейчас пишем сценарии – до этого мы играли спектакль по моей пьесе «Гипнотеатр», а сейчас готовится постановка нашей совместной пьесы. Мы хотели бы организовать актерскую школу и школу драматургов, объединить людей, близких к театру. Приглашаем людей к нам присоединиться! Потому что театр – это праздник творчества не только для зрителей, но и для актеров. Находиться на сцене гораздо легче, чем вы думаете».

Ирена Кескюль, актриса, исполнительница роли Жанны д'Арк: «Пьеса «Жанна и Костер» и моя роль в ней очень отличаются от всех моих предыдущих работ и в антрепризном, и в репертуарном театре прежде всего мистической выпуклостью и неоднозначностью персонажа. Впервые в жизни довелось сыграть святую, пусть и в вольной авторской интерпретации. Хочу выразить сердечную благодарность невероятному талантливому режиссеру Михаилу Пайкину за сценическое воплощение сложных и противоречивых образов и бесценный опыт, полученный мною в процессе работы. Задача была непростой – показать зарождение высокого чувства из неприязни, а затем безразличия. Великолепный литературный материал – текст Инги Гаручава и Петра Хотяновского – получил второе дыхание и заиграл новыми красками; в этой постановке были использованы современные приемы, и их наложение на историческую основу и базис Средневековья создали динамичное, полное эмоций и переживаний действие. Конфликт любви земной с любовью небесной, жажды жизни с долгом, святости с искушением приводят героиню к венчанию с Костром, которое, по сути, является для Жанны обетом не брака, но безбрачия. Бездушная же стихия огня одушевляется, очеловечивается, из «вязанки сухих веток» превращаясь в Бессмертного

возлюбленного, который отказывается исполнять приговор Инквизиции. Примечательно, что режиссерская методика в данном случае была основана на реалистическом проживании драматургических коллизий, чем, скорее всего, и объясняется тот эффект, который они произвели на зрителя. В отзывах на спектакль часто звучали фразы о конкретных сценах: «А может быть, это не было сыграно, а было правдой?»

Григорий Папаян, музыкант, исполнитель роли Менестреля: «Когда наш маленький коллектив ознакомился с драмой «Жанна и Костер» Инги Гаручава и Петра Хотяновского, перед нами встала задача, не утратив первичного смысла пьесы и сохранив присущий ей стиль, найти те органичные сценические возможности которые бы наиболее полно воплотили возвышенную патетику произведения. Режиссер Михаил Пайкин бережно и в то же время новаторски подошел к этой задаче. Он, сохранив глубину текста, учел индивидуальные особенности исполнителей,

раскрыв присущие каждому человеческие возможности, адаптируя их к роли. Третьим лицом в спектакле становится Музыка, которая персонифицируется в лице Менестреля. Моей задачей было найти те музыкальные средства выражения, которые помогли бы воплотить в едином дыхании общую динамику постановки. Музыка, в том числе и импровизация на гитаре, должна была стать синхронной динамике происходящего, быть аутентичной эпохе и в то же время помочь подойти к кульминации симфонии обжигающей любви, которую зритель увидел в последней сцене, где Михаил Пайкин и Ирена Кескюль феерически поднимаются над обыденностью в Вечность. Надеюсь, что задуманное нами было с участием воспринято

зрителем. Хочу поблагодарить моих коллег за доверительную атмосферу работы над спектаклем, за дружеское сотворчество и, конечно, пожелать добра и любви нашим дорогим зрителям».

– История театра «Арион» началась в феврале 2007 года, – рассказал *художественный руководитель театра, председатель Пушкинского общества Михаил Айдинов*. – Ирена Кескюль и Михаил Ананов показали костюмированное представление «Выстрел на Черной речке», посвященного трагической дуэли Пушкина.

В Пушкинском обществе объединены несколько драматургов. Их пьесы регулярно печатались на страницах литературного альманаха «На холмах Грузии», но, к сожалению, не

ставились на сцене. Вот почему изначально театр поставил перед собой задачу сделать упор в репертуарной политике на своих авторах.

Ежегодно выпускаются спектакли по пьесам Александра Мейпариани («Аромагия любви» и «Я за приматов»), Михаила Ананова («Исчезновение», «Виват, имагинация!», «Благословение свыше»), Ирены Кескюль («Итальянский двор», «Машина времени – Юбилейная сказка», «Духа. Дагны»), Артема Киракозова («Для любителей решать кроссворды», «Антреприза для атташе», «Будем надеяться»), Михаила Пайкина («Гипнотеатр»).

В спектаклях, наряду с профессиональными актерами и режиссерами (художественный руководитель Тбилисского армянского театра имени П. Адамяна Армен Баяндурян, режиссеры грузинских театров Тенгиз Авалишвили, Левон Узунян, Анатолий Лобов), принимали участие «арионовцы», слушатели курсов журналистского мастерства при Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии, члены Совета лидеров этнических меньшинств. Наши постановки шли на сценах театра имени А.С. Грибоедова, театра юного зрителя имени Н. Думбадзе, Кавказского дома, Дома композиторов, Дома дружбы, Еврейского дома. Благодаря поддержке Министерства культуры Грузии их увидели жители различных регионов страны. Театр «Арион» стал лауреатом международного фестиваля в Армении «Театральный Лори».

Для Петра Хотяновского это девятая пьеса, которую увидели тбилисские зрители. До этого пьесы прославленного драматурга шли на сценах театров Марджанишвили, Туманишвили, Грибоедова, Атонели, Одного актера. Постановка пьесы «Жанна и Костер» стала четырнадцатой премьерой за 15-летнюю историю существования театра «Арион». Наш театр не прощается со зрителями надолго – совсем скоро их ждут новые интересные постановки.

АСТАНА ОПЕРА В ТБИЛИСИ

Юлия ТУЖИЛКИНА

Пуччини, Россини, Бизе, Бородин прозвучали в Тбилиси в исполнении казахского театра. «Астана Опера» впервые побывала с гастролью в Грузии. Программа гала-концерта была насыщенной и разнообразной, а в конце зрителей ожидал особенный сюрприз.

Мировые и национальные шедевры привезла «Астана Опера» грузинской публике. Для казахских артистов это был настоящий экзамен, ведь грузины известны своей любовью к музыке, избалованы хорошим исполнением и весьма взыскательны. Потому артисты и музыканты серьезно готовились к гастрольной поездке. Гала-концерт состоялся в Национальном государственном академическом театре им. Ш. Руставели.

Перед выступлением ведущая солистка театра «Астана Опера» Салтанат Ахметова

призналась, что воздух в Тбилиси пропитан искусством: «Грузинская земля полна талантами, как и казахская земля. В свое время, когда я училась в Италии, мне почему-то казалось, что итальянцы и грузины – родственные народы, потому что и природа похожа, и внешность людей, и вокальная история. Оба народа поющие. Сегодня мне очень волнительно и в какой-то степени страшно выступать на этой земле, которая подарила миру, в том числе оперному искусству, очень много великих крупных имен. Для нас, это выступление

– очень большая ответственность, так как мы приехали со своим коллективом представлять культуру Казахстана и наш театр. Мы, конечно, будем бороться с волнением, и надеемся, что зрителю все понравится. Раньше я не была в Грузии, и вот сегодня мы прогулялись по Тбилиси. Надо сказать, что атмосфера столицы очень вдохновляет, и все мы воодушевлены этим колоритом и настроением. И сегодня подарим свое настроение и свою любовь к искусству местным зрителям».

Жгучая Кармен и казахские акыны, всем известные арии и национальные степные мотивы, вокальные номера, хоровое исполнение и инструментальные композиции симфонического оркестра – программа концерта была построена настолько грамотно, что переплетение школ и культур будоражило во-

ображение зрителей новизной, нестандартным подходом и яркостью исполнения.

Гастрольная деятельность театра – важная составляющая его развития, обязательный элемент совершенствования и обмена опытом. В прошлом, юбилейном, сезоне театр «Астана Опера» выступил в Баку, Москве, Минске, Польше и Словении.

Рассказывая о репертуаре, режиссер театра «Астана Опера» Ерэнбак Тойкенов подчеркнул, что очень важный момент в концерте – достойно представить Казахстан, его народ и культуру: «Мы показываем сегодня сцены из спектаклей «Шелковая лестница», «Дон Паскуале», «Тайный брак». А также представим казахские национальные оперы, надеюсь, это будет интересно, так как через них мы проносим наши традиции и характеры. К примеру, наша классика – это опера Мукана Тулебаева «Биржан и Сара». Опера интересна тем, что там используются национальные инструменты, показывается наша культура. И яркий пример тому – сцена айтыс: импровизация – состязание двух акынов, то есть вокально-поэтическое соревнование».

Невероятные по своей яркости и исполнению национальные костюмы, азиатский темперамент исполнителей, обрядовая песня – все эти элементы, словно песчинки, сложили общую картину просторов и степей Казахстана. А мастерское исполнение вокалистов, хора и симфонического оркестра подарило зрителю полную атмосферу творчества казахского народа.

Абзал Мухитдин, дирижер театра «Астана Опера», заслуженный деятель Казахстана, подчеркнул, что на гастроли в Тбилиси приехал большой коллектив, и потому репертуар получился довольно широким: «Мы привезли очень интересный сет, который состоит из отрывков самых известных казахстанских опер, также использована музыка Тлеса Кажгалиева к балету «Степная легенда». И я думаю, что для многих будет сюрпризом пьеса «Родной край», написанная Толегеном Мухамеджановым специально для домбры и симфонического оркестра. Это наша «фишка». Ну и конечно, прозвучат знаменитые арии из европейских опер. В концерте принимают участие наши ведущие солисты и мастера сцены.

Особым подарком для тбилисской аудитории будут отрывки из опер грузинских композиторов. Дуэт из оперы «Даиси» Захария Палиашвили, а также танцевальный номер – лезгинка из оперы Виктора Долидзе «Кето и Котэ». Это и будет апогеем нашего выступления».

Арии на грузинском языке прозвучали неслучайно. Театр активно сотрудничает с известным вокальным коучем Аллой Симонишвили и сценографом и художником по костюмам Мананой Гуниа. А в 2015 году «Астана Опера» приняла у себя в гостях Государственный театр оперы и балета Тбилиси. В театр также приезжала концертмейстер Мзия Бахтуридзе, которая работала с солистами над оперой Дж. Пуччини «Турандот». Кроме того, на сцене казахского театра не раз выступали грузинские мастера музыки, вокала и балета.

И апогей, действительно, наступил! Казахское исполнение арий на грузинском языке вызвало бурю восторга в зале. Тбилисская публика, не ожидавшая такого, буквально взорвалась аплодисментами и в конце выступления стоя приветствовала казахских артистов.

Фото Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ

ХРАМ МЕТЕХИ
Фото Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ